
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 19 май 1985
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
40 ЛЕТ
ПОБЕДЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (3016)

4—11 МАЯ

МОСКВА, КРАСНАЯ

Репортаж с Красной площади вели
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. ГОСТЕВ, А. НАГРАЛЬЯН

ПЛОЩАДЬ,

1 МАЯ 1985 ГОДА

Во время встречи.

Встреча высших партийных и госуд
деятелей стран—участниц Варшавск

26 апреля 1985 г. в Варшаве состоялась встреча высших партийных и государственных деятелей стран—участниц Варшавского Договора.

Участники встречи рассмотрели вопрос о продлении срока действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенного в Варшаве 14 мая 1955 г., и подписали протокол о продлении договора на следующие 20 лет с последующей пролонгацией еще на 10 лет. Они обменялись также мнениями по актуальным проблемам европейской и мировой политики.

Встреча прошла в обстановке дружбы и полного взаимопонимания, подтвердила единство взглядов ее участников по ключевым вопросам европейской и мировой политики.

Было условлено, что совещание Политического консультативного комитета государств—участников Варшавского Договора состоится, как это и намечалось ранее, в Софии и будет проведено осенью с. г.

* * *

Товарищи М. С. Горбачев, Г. Гусак, Т. Живков, Я. Кадар, Э. Хонеккер, Н. Чаушеску, В. Ярузельский, другие члены делегаций, прибывшие в столицу Польской Народной Республики для участия во встрече высших партийных и государственных деятелей стран—участниц Варшавского Договора, возложили венки к могиле Неизвестного солдата.

Свыше 600 тысяч советских воинов пали смертью героев при освобождении Польши. Светлая память о них увековечена благодарными варшавянами мемориальным комплексом. К его гранитному обелиску товарищи М. С. Горбачев, Г. Гусак, Т. Живков, Я. Кадар,

Во время подписания.

Телефото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС).

арственных

ого Договора

Э. Хонеккер, Н. Чаушеску, В. Ярузельский, другие члены делегаций возложили венки.

Члены делегаций возложили цветы к памятнику защитникам Варшавы — Варшавской Нике.

* * *

27 апреля в Варшаве состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским.

ПРОТОКОЛ
о продлении срока действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного в Варшаве 14 мая 1955 года

Государства — участники Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи — Народная Республика Болгария, Венгерская Народная Республика, Германская Демократическая Республика, Польская Народная Республика, Социалистическая Республика Румыния, Союз Советских Социалистических Республик и Чехословацкая Социалистическая Республика — решили подписать настоящий протокол и согласились о нижеследующем:

Статья 1

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в Варшаве 14 мая 1955 года, остается в силе в течение следующих двадцати лет. Для договаривающихся сторон, которые за год до истечения этого срока не передадут правительству Польской Народной Республики заявления о денонсации договора, он будет оставаться в силе в течение еще десяти лет.

Статья 2

Настоящий протокол подлежит ратификации. Ратификационные грамоты будут переданы на хранение правительству Польской Народной Республики.

Протокол вступит в силу в день передачи на хранение последней ратификационной грамоты. Правительство Польской Народной Республики будет информировать другие государства—участников договора о передаче на хранение каждой ратификационной грамоты.

Совершено в Варшаве 26 апреля 1985 года в одном экземпляре на болгарском, венгерском, немецком, польском, румынском, русском и чешском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу. Заверенные копии настоящего протокола будут направлены правительством Польской Народной Республики всем другим договаривающимся сторонам протокола.

За Народную Республику Болгарию

Тодор ЖИВКОВ
Генеральный секретарь ЦК
Болгарской коммунистической партии,
Председатель
Государственного совета
Народной Республики Болгарии

За Венгерскую Народную Республику

Янош КАДАР
Генеральный секретарь
Венгерской социалистической
рабочей партии

За Германскую Демократическую Республику

Эрих ХОНЕККЕР
Генеральный секретарь ЦК
Социалистической единой партии Германии,
Председатель Государственного совета
Германской Демократической Республики

За Польскую Народную Республику

Войцех ЯРУЗЕЛЬСКИЙ
Первый секретарь ЦК
Польской объединенной рабочей партии,
Председатель Совета Министров
Польской Народной Республики

За Социалистическую Республику Румынию

Николае ЧАУШЕСКУ
Генеральный секретарь
Румынской коммунистической партии,
Президент
Социалистической Республики Румынии

За Союз Советских Социалистических Республик

М. С. ГОРБАЧЕВ
Генеральный секретарь ЦК
Коммунистической партии Советского Союза

За Чехословацкую Социалистическую Республику

Густав ГУСАК
Генеральный секретарь ЦК
Коммунистической партии Чехословакии,
Президент
Чехословацкой Социалистической Республики

Последний бой

Вот он и пришел, наш самый светлый праздник, праздник со слезами на глазах. Победа!

Мы решили рассказать о последних боях войны устами тех, кто громил фашистов в их собственном логове, кто пережил труднейший сорок первый год, с честью прошел через сорок второй, а начиная с сорок третьего гнал врага на запад, вплоть до Берлина. За «круглым столом» «Огонька» собрались советские военачальники: Герой Советского Союза генерал армии С. П. Иванов, Герой Советского Союза генерал армии И. Г. Павловский, дважды Герой Советского Союза генерал армии Д. Д. Лелюшенко, Герой Советского Союза маршал авиации И. И. Пстыго, генерал армии С. П. Васягин, маршал артиллерии К. П. Казаков, генерал армии Н. Г. Лященко, адмирал флота Н. Д. Сергеев, генерал армии И. Е. Шавров, трижды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации И. Н. Кожедуб и адмирал В. С. Сысоев.

Генерал армии
С. П. ИВАНОВ:

— На заключительном этапе войны я был начальником штаба 3-го Украинского фронта.

К началу 1945 года наши войска освободили всю территорию Советского Союза и вышли к традиционному очагу войны против России — Восточной Пруссии. Перед Ставкой встал вопрос: что же дальше, как бить немцев, где решится судьба фашистской Германии? Ведь гитлеровское командование располагало достаточными людскими резервами и, что особенно важно, промышленностью. Немцы еще могли воевать! Мы знали, что Гитлер готовит альпийскую крепость, куда он в случае осложнений должен был уйти из Берлина. Поэтому наша задача состояла прежде всего в том, чтобы лишить гитлеровцев военных заводов, сосредоточенных в Венгрии, Чехословакии, Австрии и Южной Германии, и уж потом приниматься за Берлин.

Ставка Советского Верховного Главнокомандования поступила именно так, иначе война могла бы надолго затянуться. В этом заключался глубокий, стратегический смысл Будапештской операции. Когда немцы это поняли, они бросили под Балатон огромные силы, даже сняли с Западного фронта 6-ю танковую армию. Бои у Балатона шли ожесточенные, потери с обеих сторон были немалые, нас даже несколько потеснили, но в конце концов фашисты не выдержали нашего натиска и откатились. Совершенно ясно, не одержи мы победы в Будапештской операции и под Балатоном, ни о каком наступлении на Берлин не могло быть и речи. 13 апреля мы взяли Вену, и надежда Гитлера на Австрию и Венгрию, как на бастион военной промышленности, лопнула.

Теперь встал вопрос о Берлинской операции. Ее замысел определили в Ставке еще в ноябре 1944 года, но по ходу боев, конечно же, уточняли. Для ее непосредственного осуществления выделялось три фронта: 1-й Белорусский, которым командовал Г. К. Жуков, 1-й Украинский во главе с И. С. Коневым и 2-й Белорусский во главе с К. К. Рокоссовским. Превосходство в силах у нас было подавляющее: в танках и артиллерии в четыре раза, в живой силе и самолетах более чем в два раза. Но не следует забывать, что наступающий, как правило, несет куда большие потери, нежели обороняющийся. А оборона Берлина была подготовлена основательно. Немецкое верховное командование рассматривало битву за Берлин как решающую битву на Восточном фронте. Уже в ходе боев Гитлер в своем воззвании писал: «Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений, сводных формирований и частями фольксштурма, которые укрепляют фронт. Берлин останется немецким...»

Как вы знаете, на Ялтинской конференции было оговорено, что Берлин будут брать советские войска, но наши союзники до последнего момента плели всевозможные интриги и непрочь были первыми войти в столицу Германии. Именно войти! Ведь гитлеровские части почти без боя сдавали им город за городом. Это так «окрылило» Эйзенхауэра, что 7 апреля он заявил: «Если после взятия Лейпцига окажется, что можно без больших потерь продвигаться на Берлин, я хочу это сделать».

Но все эти планы, равно как и попытку сепаратного мира, перечеркнули советские воины. В битве за Берлин участвовало много танков, поэтому я представляю слово Д. Д. Лелюшенко, который в те дни командовал 4-й гвардейской танковой армией.

Генерал армии
Д. Д. ЛЕЛЮШЕНКО:

— Напомню замысел операции: 1-й Белорусский фронт с рубежа реки Одер наносил удар непосредственно на Берлин. 1-й Украинский фронт наступал юго-западнее с рубежа реки Нейсе, а 2-й Белорусский — севернее Берлина.

Наступление 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов началось 16 апреля, 2-й Белорусский фронт должен был начать наступление через четыре дня.

Войска первого эшелона 1-го Белорусского фронта после мощной артиллерийской подготовки атаковали оборону врага. С началом наступления 140 мощных прожекторов направили свои лучи в сторону противника. С воздуха наступление поддерживали 18-я воздушная армия главного маршала авиации А. Е. Голованова и 16-я армия генерал-полковника авиации С. И. Руденко.

Однако наступление продвигалось с трудом. Танкисты нашей армии шли вперед в полосе 1-го Украинского фронта. За первый день боев мы продвинулись всего на восемнадцать километров. И тогда мне пришла мысль попробовать наступать не днем, а ночью, тем более нам предстояло форсировать реку Шпрее. Но маршал Конев отклонил это предложение, сказав, что ночью не следует пытаться с танками, нужно начать наступление с утра 17 апреля. Я вторично попросил разрешения наступать ночью, хотя бы передовыми отрядами, за это были и командующие 13-й и 5-й гвардейскими армиями Н. П. Пухов и А. С. Жадов. Втроем мы все же уговорили Конева. Успех ночной атаки был полный!

Затем мы получили новый приказ, в котором говорилось, что 4-я гвардейская танковая армия должна повернуть наступление на Берлин и к исходу 20 апреля овладеть районом Беелитц — Трёйенбритцен — Луккенвальде, а в ночь с 21 апреля — Потсдамом и юго-западной частью Берлина. Такой поворот событий мы предполагали и исподволь к нему готовились.

20 апреля стремительное наступление войск 4-й и 3-й гвардейских танковых и 13-й общевойсковой армий привело к отсечению группы армий «Висла» от группы армий «Центр». Это вызвало смятение в стане врага. В высших кругах вермахта узнали, что советские танки вышли в район, расположенный в десяти километрах южнее Цоссена, где размещался гитлеровский штаб оперативного руководства. Штабисты начали разбегаться в разные стороны.

Когда войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов соединились, моей армии была поставлена задача не пропустить к Берлину армию Венка, которую Гитлер вызвал на помощь.

Эта армия повернулась спиной к американцам и от Эльбы двинулась к Берлину. Навстречу Венку мы направили 5-й гвардейский механизированный корпус генерала И. П. Ермакова. Во взаимодействии с частями 13-й армии танкисты в районе города Ютеборга захватили аэродром с 300 вражескими самолетами и завязали бои с передовыми частями армии Венка. Противник был отброшен на запад. Тогда же мы освободили концентрационный лагерь, в котором находились тысячи американцев, англичан, французов, норвежцев... Среди них оказался и бывший командующий вооруженными силами Норвегии генерал Отто Рюге. Командир роты старший лейтенант Ф. И. Жарчинский смело ворвался со своими солдатами в лагерь, перебил охрану и освободил узников.

Но мы решали и другую задачу — один из корпусов участвовал в окружении Берлина. Утром двадцать пятого наши танкисты соединились с танкистами 1-го Белорусского фронта.

Таким образом, 25 апреля было завершено окружение Берлина. В тот же день войска 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта соединились с американскими частями на реке Эльба в районе города Торгау. Гитлеровская Германия оказалась разрезанной на две части — северную и южную.

Теперь мы приняли участие в непосредственном штурме Берлина: танкисты пробивались в столицу Германии в общем направлении на рейхстаг.

При подходе к каналу Тельтов мы освободили еще один концлагерь. Батальон автоматчиков во главе с лейтенантом В. С. Езерским атаковал лагерь, перебил всю охрану и вызволил узников, в том числе и Э. Эррио с супругой. Бывшему премьеру Франции, стоявшему за сближение с Советским Союзом, угрожал расстрел. Танкисты накормили супругов Эррио и отправили их в штаб фронта, а оттуда на родину. В беседе с танкистами Э. Эррио сердечно поблагодарил гвардейцев, записал адрес своего освободителя и обещал написать ему при возвращении на родину. Слово свое он сдержал — Витольд Станиславович Езерский письмо получил.

Вскоре 63-я бригада вступила в бой с фашистскими войсками в районе деревни Еникесдорф. Когда командир корпуса решил уточнить

Участники встречи.

задачу по карте командиру бригады, раздался выстрел. Потом второй. Оглянулись и увидели, как сын бригады двенадцатилетний Толя Якишев пристрелил фашистского офицера, открывшего из кустов огонь по нашим командирам. За этот подвиг Толю наградили медалью «За отвагу» и досрочно приняли в комсомол.

Утром 1 мая около 20 тысяч вражеских солдат и офицеров пробились в стык между нашими частями и вышли в тыл гвардейскому механизированному корпусу. Теперь прорвавшегося противника отделяло всего четыре километра от армии Венка. Но и эту группу с помощью артиллеристов, минометчиков и летчиков мы уничтожили.

А в ночь на 2 мая командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг заявил о капитуляции и сам сдался в плен.

Утром 2 мая Берлин был окутан дымом и гарью, дышать стало тяжело, люди устали. Я тоже прилег на несколько минут отдохнуть. Вдруг слышу голос часового: «Фашисты!» Оказалось, из центра Берлина около шести тысяч отъявленных головорезов решили идти напролом, чтобы пробиться на запад. Узкими переулками они просочились прямо к штабу нашей танковой армии.

Я объявил тревогу. Вызвал по радио ближе всех находившийся мотоциклетный полк, моторизованную инженерную бригаду и артиллеристов. Первыми в критическую минуту подошли мотоциклисты, а с ними и танки. Фашисты, как затравленные волки, лезли напролом. В бой вступили и офицеры штаба. На запад не прошел ни один фашист.

За исключительную доблесть, проявленную в боях по окончательному разгрому врага, более 600 советских воинов было удостоено звания Героя Советского Союза.

После падения Берлина и очищения Германии от фашистских войск нашей радости не было предела. Но еще не полностью освобождена Чехословакия, и, главное, в руках фашистов Прага. Чтобы покончить с этой группировкой, были выделены войска трех фронтов и чехословацкий корпус генерала Свободы.

В ночь с четвертого на пятое мая моя танковая армия начала марш. Уже в пути мы получили по радио известие о восстании в Праге и просьбу о помощи. Танкисты ускорили движение.

Оборону врага мы прорвали быстро и устремились вперед, где нас ждало серьезное препятствие — Рудные горы. Их преодолели без потерь и вышли на оперативный простор.

Ранним утром 9 мая батальон под командованием капитана Ф. Коротеева ворвался в Прагу. К четырем часам утра в Прагу вошли основные силы 4-й гвардейской танковой армии. Вскоре на улицах города появились и наши соседи. Нам же была поставлена задача отрезать пути отхода так и не сдавшимся фашистским головорезам, которые прорывались к американцам. Но ничего у них не вышло, пришлось им складывать оружие и сдаваться в плен.

Так была завершена пражская наступательная операция — последняя в Великой Отечественной войне.

Генерал армии
И. Г. ПАВЛОВСКИЙ:

— В сорок пятом я был командиром 328-й Варшавской Краснознаменной дивизии. В конце марта мы вышли на Одер и захватили Кюстринский плацдарм.

Что представлял из себя плацдарм? Большую равнину, луг на левом берегу Одера. Виднелись отдельные домики, рощицы, хутора. Остальное — плоская, как стол, равнина. Встречались, правда, овраги и валы, которые возводили немцы, чтобы предотвратить разлив рек.

Против нашего фронта гитлеровское командование сосредоточило на плацдарме пять танковых и моторизованных дивизий, а также много пехоты. С инженерной точки зрения оборона Берлина была подготовлена прекрасно: множество траншей, окопов, огневых точек, железобетонных и деревянно-земляных укрытий с ходами сообщений.

Наше наступление, как известно, началось ночью. Артиллерийская подготовка планировалась вначале длительная, но перед самым наступлением решением командования 1-го Белорусского фронта ее сократили до двадцати пяти минут. Теперь это были артналеты. Поскольку наступление началось ночью, авиация наносила удары только по резервам противника, находящимся в глубине обороны: иначе возникал риск поразить своих. Короткие артналеты, невозможность применения авиации позволили противнику на передовых рубежах почти что в целости сохранить огневые средства, особенно противотанковые. Поэтому в первый день наступления мы не смогли прорвать главную полосу обороны.

Второй день тоже был не очень успешным... Немцы имели большое количество фаустпатронов, а в ближнем бою это незаменимое противотанковое оружие. Пришлось вступать в дело пехоте. После того, как мы разгромили огневые точки и перебили «фаустников», танки пошли вперед, хотя сопротивлялся противник по-прежнему ожесточенно.

И все же мы сумели прорвать первую и вторую полосу обороны и завязали бой на третьей. 23 апреля уже сражались на южной окраине Берлина.

И вдруг я получаю приказ командующего фронтом маршала Жукова, чтобы дивизия повернула на юг, в направлении реки Хафель, соединилась с танковой армией Лелюшенко и завершила окружение главной группировки противника. Нам было важно не ввязываться в затяжные бои, а стремительно выйти в район Кетцина и встретиться со своими танкистами. Обходя опорные пункты обороны противника, наш передовой отряд вышел к Кетцину и соединился с 6-й механизированной бригадой 4-й танковой армии. Таким образом, к утру двадцать пятого апреля главная берлинская группировка была полностью окружена. А моя дивизия получила приказ вместе с танкистами наступать на Потсдам и овладеть этим городом.

Для этого надо было форсировать несколько каналов, довольно широких и глубоких, уничтожить гитлеровцев, которые охраняли командный пункт Геринга.

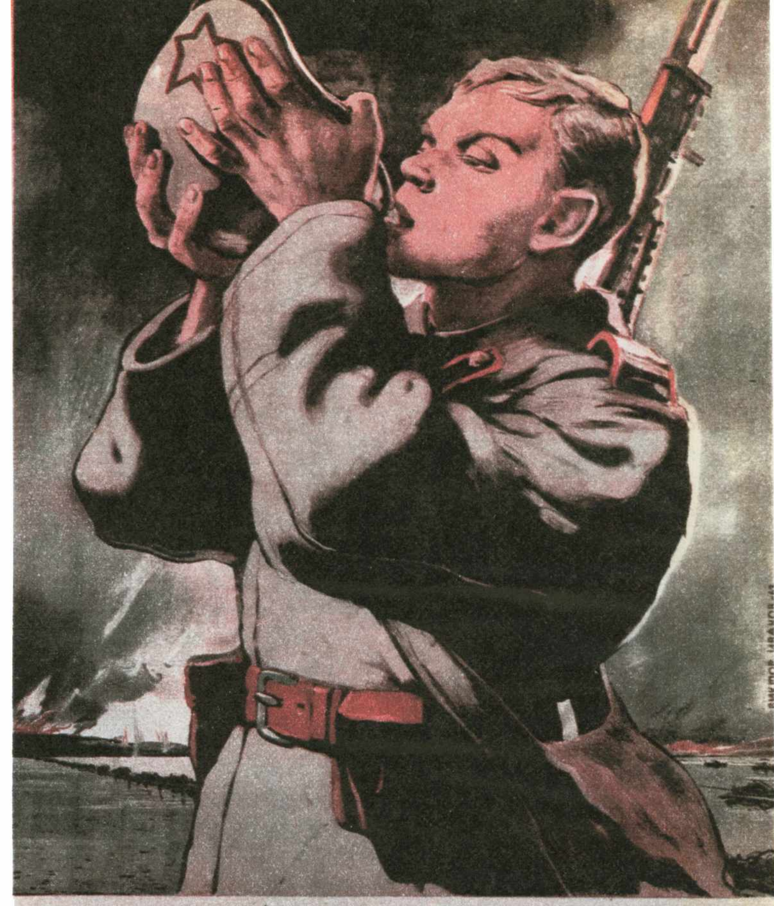
Мы с этой задачей справились и захватили бункер Геринга. Его, правда, там уже не было. 27 апреля Потсдам пал.

Дивизия стала армейским резервом. Но вот поступило сообщение, что 2 мая фашистская группировка из района Шпандау — в составе пятнадцати тысяч человек, с танками и артиллерией — продвигается на запад, чтобы уйти к американцам. Дивизия получила задачу остановить эту груп-

Окончание на стр. 25—27.

Художник И. ТОИДЗЕ

Художник В. ИВАНОВ

ПАМЯ

Художник Л. ГОЛОВАНОВ

Художник В. СЕРОВ

ПЕРЕЛИСТАЙ СТРАНИЦЫ, ЧИТАТЕЛЬ, ПОСМОТРИ НА СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ ВОЕННЫХ ЛЕТ. ЧТО ПОВЕДАЮТ ОНИ ТЕБЕ, ЧТО НАПОМНЯТ, ЧЕМ ОТЗОВУТСЯ В ДУШЕ И СЕРДЦЕ?

Если ты молод, то, может быть, увидишь мысленным взором собственного деда или бабку — таких привычных, по-стариковски ворчливых,— увидишь их такими, какими они были в те далекие дни, потрясавшие всю Европу. Ну, а нам, фронтовикам, вспоминать то время да еще и рассказывать о нем очень и очень непросто. Ведь вспоминать надо гибель товарищей, сожженные города и села, раскачивающиеся на ветру тела повешенных, трупы ни в чем не повинных женщин и детей... Да, вспоминать все это больно, но и забыть нельзя!

«Когда говорят пушки, музы молчат». Чаще всего так и бывает. Но не у нас, не в России! Можно ли лучше выразить идею борьбы за Родину, чем это сделано на плакате, который в сорок первом можно было увидеть на каждом перекрестке. Родина-мать, она вся в черном, с платком на убеленной сединой голове, с глядящими в душу требовательными глазами. Рука торжественно поднята, на губах слова: «Вставайте, сыновья мои и дочери, спасайте Родину от смерти!»

...Июнь сорок первого. Мирное тиканье будильников заглушил рев личное оскорбление, как несмываемый позор на нашу солдатскую голову.

Лишь позже, в праздник Октября, когда на Красной площади состоялся парад и войска прошагали мимо Мавзолея прямо в огонь боя, я понял: нам не надо стыдиться своих слез и крови — они священны.

Осколочный град, небо над Москвой, иссеченное мечами прожекторов и огненными вспышками... Прозябшие улицы Ленинграда с его обессилевшими от голода людьми — людьми посмертной славы... Все это было, все это с нами на всю оставшуюся жизнь. А как забыть невероятно трудную жизнь тыла?! Высокое мужество требовалось там ежедневно, беспрестанно, да к тому же от людей, которым, казалось, не по возрасту и не по силам ковать оружие фронту.

Я прилетал на один из заводов за новым самолетом. Вдоль железной дороги в степи — эшелон за эшелоном с заводским оборудованием, а рядом на земле — станки. Их было много, и они работали, чуть прикрытые сверху фанеркой от непогоды. Но поражали не гудящие станки, а те, кто

Иван **АРСЕНТЬЕВ**,
Герой Советского Союза

...ТЬ СЕРДЦА

на них работал: мальчуганы и девчонки в черных шинельках фэзэушников! Некоторые были так малы, что не доставали до суппорта и потому стояли на кирпичах или ящиках.

Несколько недель спустя, уже на фронте, в нашем полку случилась катастрофа: во время пикирования с крыла самолета сорвался лист обшивки. При расследовании обнаружили десятка полтора незаклепанных отверстий. Летчики возмутились: «Мало того, что фашистские зенитки да «мессеры» сбивают, так еще и заводской брак вгоняет в землю!» И тогда командир напомнил, что нам довелось повидать на авиазаводе, рассказал о недоедающих и недосыпающих пацанах, стоящих на морозе у станков и живущих в палатках. Конфликт был исчерпан. А летчики поклялись еще крепче бить фашистов.

боевых машин, и большинство из нас, молодых, умевших стрелять лишь по воробьям, уходили из цехов, от нив, из школьных классов в маршевые роты, чтобы стрелять по профессионалам-убийцам, которые прошли сквозь Европу с закатанными рукавами мундиров, горланя под огонь шмайсеров: «Готт мит унс!»

На нас накатывались лавины брони, на нас напирали армады вышколенных палачей, а нам еще нечего было по-настоящему им противопоставить. Нам бы еще годика два мира, тогда бы наш народ не понес с первых дней войны мученический венец отступлений, эвакуаций и потерь.

Помнится, как глубоко потряс меня рассказ офицера, прибывшего к нам в авиаполк под Новочеркасск. Он был ранен в руку. Где, в воздушном бою? В том-то и дело, что нет. Его просто подстрелили шнырявшие в предместьях Москвы вражеские лазутчики. Немцы у ворот Москвы?! Я почувствовал себя до боли униженным. Одна мысль о том, что сапог врага топчет землю у самой столицы, представлялась кощунственной. Мы, летчики, восприняли это как

Весна сорок второго... Многого мы от нее ждали. Ведь доказали, что воевать умеем, отбросив немцев от Москвы. Но побед пока что не было, хотя жестокие бои гремели от Заполярья до Севастополя.

В ту весну я летал над Донбассом. Захлестнутые буйным вишневым цветением, серые развалины шахтерских поселков выглядели зловеще. Воздушных армий еще не существовало, не из чего было их создавать, самолетов не хватало. Штурмовиков, правда, за зиму навыпускали достаточно, поэтому мы их использовали, как говорится, на всю катушку, даже не по прямому назначению. Одной из комсомольских эскадрилий командовал тогда у нас Николай Яковлев с Красной Пресни. Известно: «Илы» ночью не летают, ни зги не видно из-за выхлопов пламени моторных патрубков. Так вот, ребята из эскадрильи Яковлева приварили к патрубкам по длинной трубе, огненные выхлопы перестали мешать, и наши летчики начали прямо-таки издеваться по ночам над фашистскими вояками. Кто из моих сверстников не помнит характерный звук двигателей «юнкерса» с этаким подвывом. Николай Яковлев стал имитировать этот звук, шуруя туда-сюда сектором газа. И настолько ловко подражал, что немцы его не трогали, принимая за своего. Летал он, не опасаясь ни прожекторов, ни вражеских зениток. Спохватывались фашисты лишь тогда, когда бомбы сыпались на их головы. Долго сходило это ему с рук, но все же его сбили, и пришлось Николаю с парашютом нырять в Северский Донец. Пять суток пробирался к своим. Вроде бы ничего особенного — искупался в холодной воде, потом где полз, где шел, а вот нынче Герою Советского Союза Николаю Яковлеву приходится передвигаться медленно, покряхтывая в жестком корсете...

Впереди еще были Кубань и Сталинград — самые трудные дни.

А я тогда воевал возле Орджоникидзе. Нам также было не сладко. Танковая армия Клейста и воздушная эскадра Рихтгофена пытались прорваться к грозненской и бакинской нефти. Там был подбит и ранен рядовым летчиком-штурмовиком Михаилом Ворожбиевым сверх-ас «люфтваффе» Эрих Крафт, прозванный фашистами «голубым мечом Германии». А Михаил Ворожбиев к тому же воевал с одним глазом: левый у него был выбит...

Мы шли уже на запад. Шли с упорными боями — ведь впереди нас поджидали всевозможные рубежи, линии, валы, и все их нужно было преодолеть. Сражение за Миус, битва за Днепр, прорыв «Голубой линии», освобождение Новороссийска, Керчи, Севастополя. Славные были денечки, мы били врага, как говорится, и в хвост и в гриву. А как взыграла душа, когда началась операция «Багратион»! Белорусские леса залиты бесконечными дождями, узкие полоски дорог забиты фашистской техникой. Раздолье для нашего брата-авиатора!

А под Кенигсбергом военная фортуна устроила мне, пожалуй, самое серьезное испытание. Наша четверка «Илов» вступила в редкостную по отваге схватку с восемнадцатью немецкими истребителями. Бой длился более пятнадцати минут. Свыше сорока атак отразили экипажи старших лейтенантов Плешакова, Новикова, Зубко и мой. Два вражеских самолета было сбито.

И вот наконец 9 мая! Победа!!! На нашей авиаточке тишь да гладь. Небольшой ухоженный аэродромчик на опушке аккуратного немецкого леска. Теснота, но «Илам» и не на таких пятачках доводилось ютиться. На аэродроме лишь охрана и несколько техников и оружейников заняты ремонтом. Летчики в селении. Мы уже выпустили в честь Победы по обойме в небо, но радость наша горька: по списочному составу летчиков в полку числилось сорок, а за войну погибло 268! И вдруг со стороны аэродрома послышалась стрельба, да не ружейная — били пулеметы. Мы встревожились.

Раздалась команда: «В ружье!»

Бросаемся на аэродром! Пока бежали, все стихло. Смотрим, у стоянки автомашин трупы, на петлицах молнии «СС». Оказывается, уцелевшие эсэсовцы напали на аэродром в надежде завладеть автомобилями и удрать на запад.

Наши техники не растерялись и, укрывшись за броней штурмовиков, дали фашистам хороший бой. Среди техников была и оружейница Аня. Она первая разрядила по налетчикам только что вычищенный и заряженный пулемет воздушного стрелка. Мы нашли Аню в кабине мертвой. Она была последней жертвой войны, последней, 269-й боевой потерей гвардейского авиационного полка.

...Я снова и снова разглядываю старые фронтовые фотографии, вспоминаю боевые вылеты, навсегда оставшихся молодыми погибших друзей и песню, которую мы очень любили. В ней есть слова, в которые свято верили мы, убежден, что верят наши дети и внуки, неплохо бы их знать и тем, кто время от времени бряцает оружием по нашему адресу: «Наша сила крепка, и врагу никогда не гулять по республикам нашим!»

БЕСПОЩАДНО РАЗГРОМИМ И УНИЧТОЖИМ ВРАГА!

ДОГОВОР
о ненападении
между
СССР и Германией

КУКРЫНИКСЫ-41г.

Художники КУКРЫНИКСЫ (23 июня 1941 г.)

Запись добровольцев в одном из райвоенкоматов Москвы. 1941 г.

Фото А. Устинова

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!

Александр ПРОКОФЬЕВ

КЛЯНЕМСЯ!

Сильнейшею верою верю тому,
Что свет наших звезд
не затмить никому!

Они не погаснут во веки веков,
Зажженные волей большевиков!

Дано им гореть, им надо гореть,
Не могут, не могут они умереть!

Сиять им, гореть им
их доля такая...
Над нашей победой
они засверкают,

Таранят над миром
нависшую тьму...
Нет, свет наших звезд
не затмить никому!

Клянемся великим
семнадцатым годом,
Клянемся всем счастьем
и горем народа,

Что мы без победы
домой не вернемся.
Клянемся!

1 декабря 1941 г.

Танки с парада идут на фронт.
7 ноября 1941 г.

Фото А. Устинова

Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 г.

Фото Дм. Бальтерманца

ЕДИНОЙ ВОЛ

Танки — фронту.

Фото С. Струнникова

Анна АХМАТОВА

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

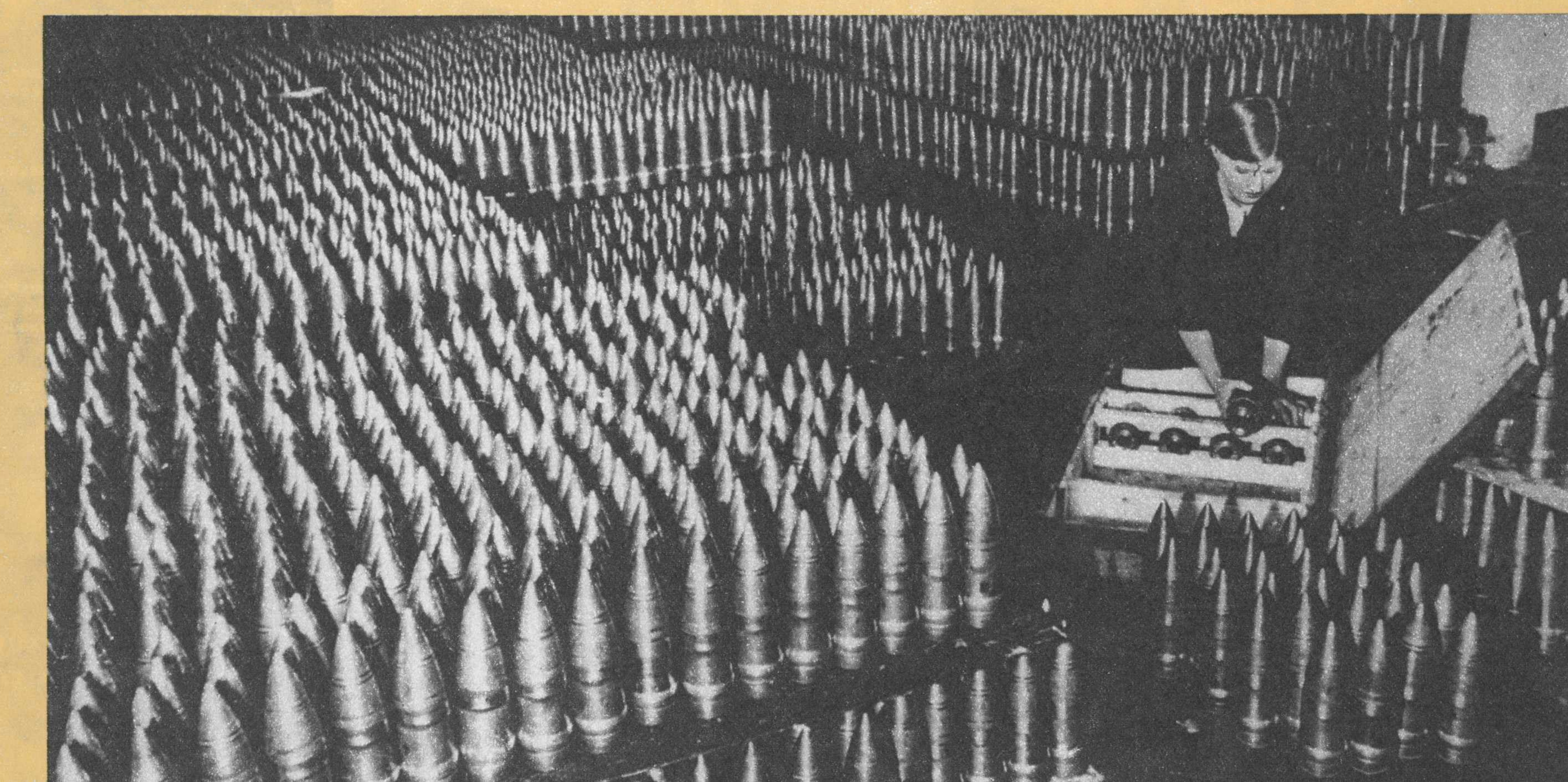
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Февраль 1942 г.

ЕЮ СИЛЬНЫ...

Так ковалась Победа. Фото А. Устинова

Узники фашизма. 1944 г.

Фото Г. Санько

Михаил
ИСАКОВСКИЙ

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою!

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай,
Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник
возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

ЭТО НЕ ДОЛЖНО

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень
поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья,
подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945.

«Враги сожгли родную хату...».

Фото М. Савина

Горе. (Керчь. 1942 г.) Фото Дм. Бальтерманца

ПОВТОРИТЬСЯ!

Ленинград. 1942 год. Фото Б. Кудоярова и А. Гаранина

Партсобрание на передовой. Фото Г. Санько

В бой хочу идти коммунистом! Фото Г. Липскерова

Павел ШУБИН

...Присягая Матери-Отчизне,
Мы клялись,
Коль надо — умереть
Ради жизни
И во имя жизни
На земле, обугленной на треть:
Ради ветра,
Пахнущего солью
И простором голубых морей,
Детских глаз,
Не замутненных болью,
И покоя наших матерей;
Ради права
Быть свободней птицы,
Солнце видеть в предрассветной
мгле,
Ради права
Думать, и трудиться,
И любить на молодой земле...

Комбат.
Фото М. Альперта

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

1-й Прибалтийский фронт.
Танки пошли в атаку.
Июнь 1944 г.

Фото Б. Вдовенко

Сталинградская битва. Командующий Донским фронтом генерал К. К. Рокоссовский ведет наблюдение за полем боя.

Фото Г. Санько

Северный флот. После высадки десанта. Октябрь 1944 г.

Фото Р. Диамента

Залп «катюш».

Фото Дм. Бальтерманца

Перед наступлением на Берлин. В штабе маршала Г. К. Жукова.

Фото Я. Рюмкина

40 ЛЕТ ПОБЕДЫ

На пути к победе.

Фото Е. Халдея

Берлин взят.

Знамя Победы
над рейхстагом.

Фото Е. Халдея

В освобожденном
Сталинграде.

Фото Г. Зельмы

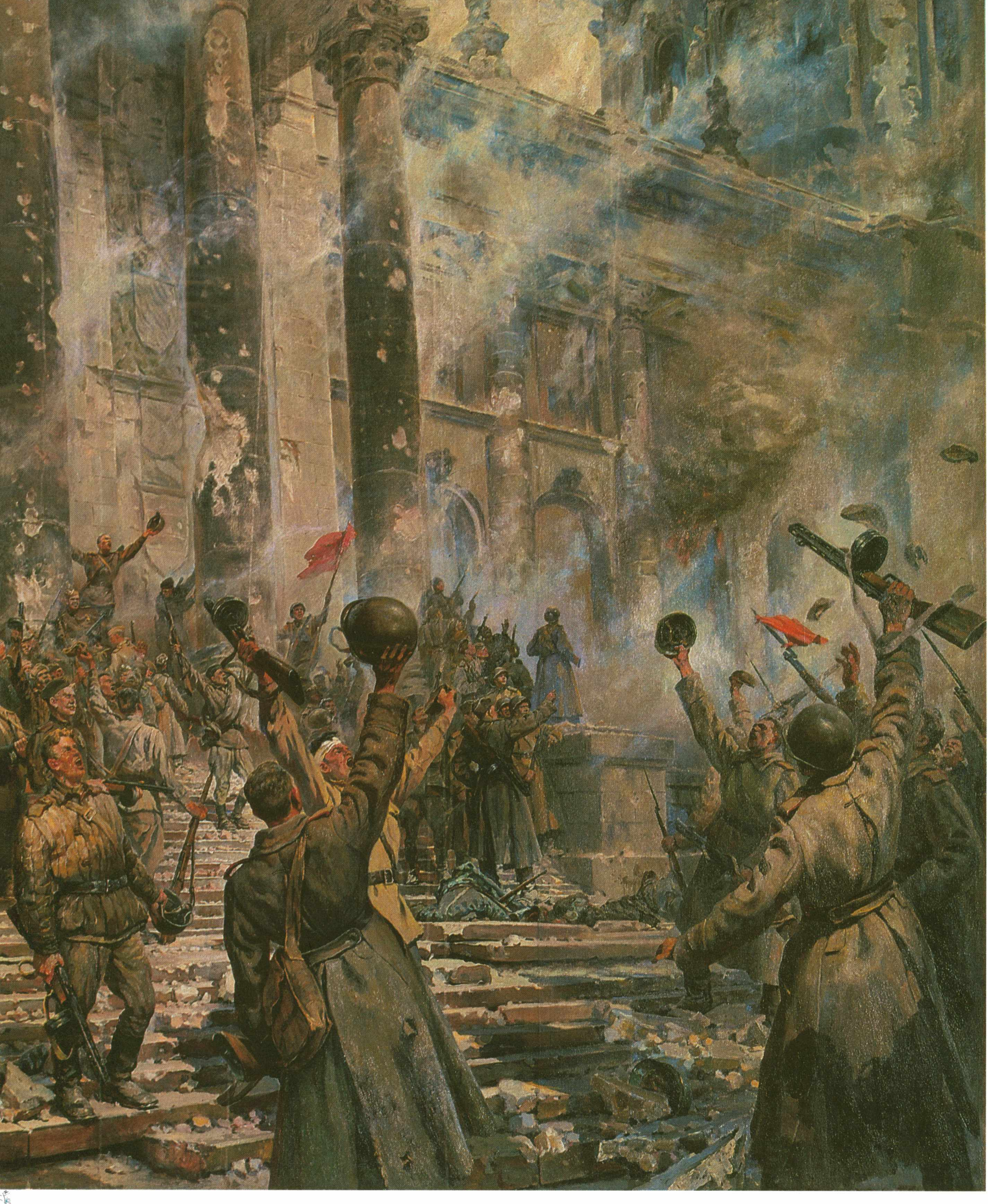

В. Харламов. Род. 1935. ПОБЕДА. 1985.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

П. Кривоногов. 1911—1967. ПОБЕДА. 1948.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

А. Лактионов. 1910—1972. ПИСЬМО С ФРОНТА. 1947.

Государственная Третьяковская галерея.

Победа! Москва.
Красная Площадь.
9 мая 1945 года.

Фото А. Устинова

Освобождение пришло
в Болгарию.

Фото Е. Халдея

Встреча на Эльбе советских и американских солдат.
Фото А. Устинова

Фотография на память.
Фото Е. Халдея

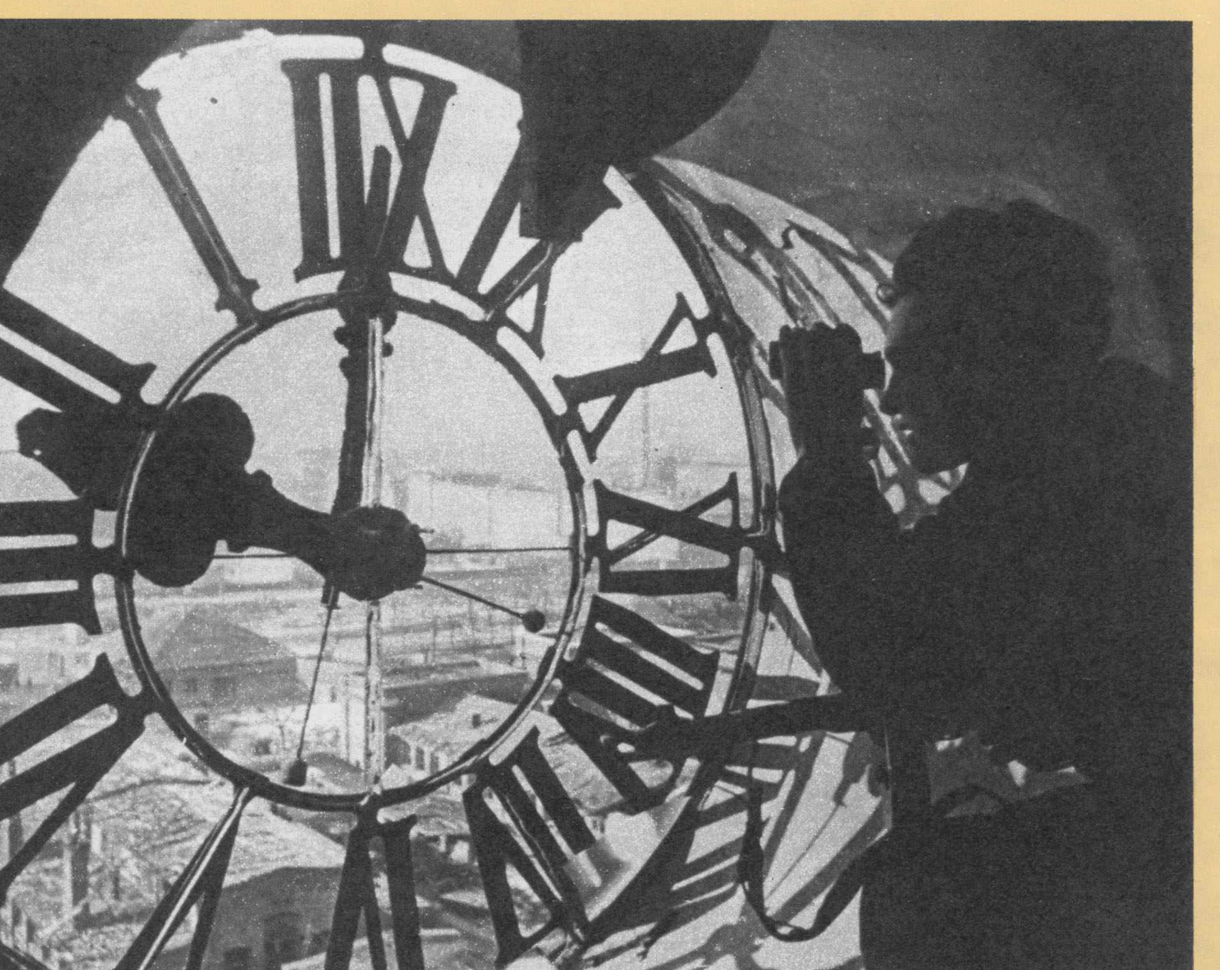
И. С. Конев в Праге. Май 1945 г. Фото А. Егорова

В Югославию пришло освобождение. Фото Е. Халдея

Боевое содружество. Польша 1944 г.

Фото А. Архипова

ОСВОБОДИ

Сергей ОРЛОВ

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Июнь 1944 г.

Будапешт освобожден.
13 февраля 1945 г.

Фото Г. Зельмы

Так встречали наших солдат в Бухаресте.

Фото С. Короткова

ТЕЛИ

Александр ТВАРДОВСКИЙ

●

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,—
Речь не о том, но все же, все же, все же...

1966 г.

Бойцы Красной Армии освободили из концлагеря пленных французов. Апрель 1945 г.

Фото А. Устинова

Полководцы Великой Отечественной войны. Фото Дм. Бальтерманца

Парад Победы. Фото М. Калашниковой

Берлин. 1945 г. Парад частей 5-й ударной армии по случаю снятия знамени Победы с рейхстага для передачи его в музей.

Фото ТАСС

ПОБЕДА!

Возвращение.

Фото С. Короткова

Москва. 1945 г. Первый эшелон с воинами-победителями прибыл на Белорусский вокзал.

Фото С. Короткова

Артеменко с плацдарма

Олесь ГОНЧАР

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Из всех форсированных рек этот Грон оказался рубежом самым грозным, таким, что не забыть его до конца дней. Ранними утрами накатывались туманы, сплошной сивой облачностью затягивали топкие, еще не совсем оттаявшие после зимы поля вблизи Барта и Камендина—так назывались населенные пункты, которые нам надо было удерживать. Ежедневно туманы, еженощно грязь, а из нависших низко над плацдармом туч льют холодные, какие-то словно бы черные дожди. Туманом съедало остатки снега, его становилось все меньше на полях, талые воды, подступая к нашим позициям, заливали блиндажи, траншеи, огневые, затапливали выкопанные в полный рост окопы. И ничем положение нельзя было изменить — солдату приходилось днем и ночью стоять в ледяной воде, в глиняной мути, держать свою частичку плацдарма среди этих коварных, с каждым часом незаметно прибывающих весенних вод.

Вместе с другими стоит в окопной воде и земляк мой, Иван Артеменко, хлопец из наших степей, его не тяготят мысли о будущих ревматизмах, беспокоящие кое-кого из пожилых бойцов, у него в мыслях совсем иное:

— Весна идет, братцы!.. Весна-красна, как говорили у нас дома...

Родом Артеменко из тех мест, где человека обнимают «лазоревые просторы» (его выражение), где степями протекает Калка, упоминаемая в летописях речка, видавшая одну из кровопролитнейших битв истории. Это же ведь там, на Калке, дружины Мстислава Удалого и Данила Галицкого когда-то столкнулись в тяжком поединке с хищными ватагами первых чингисхановых орд. Не раз слышали мы рассказы нашего друга о далекой речке его детства, которая в седую древность «аж закипала», «аж из берегов выходила», когда несметная ордынская конница бросалась по ней вплавь, а в наши дни эта же речушка тихо течет среди степного разнотравья, маня летом совхозную детвору своими пусть и неглубокими, но чистыми и ласковыми водами.

— Летом почти не видно нашей Калки,— волнуясь, рассказывал нам Артеменко.— Где-то там ворошится она по дну балки, меж огромных лопухов и чертополоха, с обоих берегов нависающих над нею... Но ведь живучая какая! Другие степные речки, вот, скажем, Берда, которая в античные времена была такой полноводной, что и греческие корабли заходили, теперь уже почти исчезла, в соседних балках речки тоже повысыхали, только наша все еще ворошится, слезится между лопухами... Чем объяснить? Видно, питают ее сильные подземные роднички.

Слушаем его и до осязаемости зримо представляем себе ту светленькую неисчезающую речушку, которая где-то там вьется, течет и течет среди степной духоты, среди степной полыни да чертополохов и вроде обдает нас полуденным зноем далекого лета с его звенящей тишиной. А тут, в окопах, ноги наши стынут, немеют в ледяной жижице, которая кажется нам куда холоднее снега.

— Была зима — настали отзимки, леший бы их забрал,— слышим мы порой незлобивое ворчание командира роты.— Где вчера снежок белел, сегодня вон уже ползет ручей-водорой...

Разбухшие от воды окопы обваливаются. Каждый из нас по уши в грязи, ждем не дождемся, когда настанет час подмены и мы со всеми предосторожностями выберемся ночью отсюда, чтобы где-то там, в Камендине, в теплой мадьярской хате отогреть свои закоченевшие души, привести себя в более менее цивилизованный вид.

Пожалуй, никто, кроме солдата, не способен так прочувствовать и оценить прелесть самых обыденных вещей, заполняющих человеческое бытие. Вспомните, какую радость вы испытывали, переступив порог чьей-нибудь хаты, ощутив дыхание человеческого жилья, его устоявшееся тепло, где повеет на вас уютом и надежностью домашнего очага, где молчаливый усатый хозяин и его приветливая хозяйка сочувственно встретят вас, насквозь прозябших, смертельно уставших, а хозяйская дочка Пи́рошка зорким своим глазком выделит из всей вашей гурьбы вот этого чернобрового Ваню Артеменко, который уже широко улыбается ей навстречу. Только хлопец одарит ее взглядом, девушка так и вспыхнет своими тугими щечками, и хоть, казалось бы, должна она в этот момент смутиться, опустить застенчиво глаза, но, видимо, сделать это ей не под силу, она и дальше смотрит на него неотрывно. И с этой минуты мы станем ощущать присутствие в доме человеческого счастья, оно будет царить в самом воздухе, сиять в блеске юных глаз, в целомудренной стыдливости — ее, в какой-то приподнятой веселости — его.

Разве не трогательно было наблюдать, как Пи́рошка, примостившись на скамье, держит зеркальце перед Иваном, держит со счастливой терпеливостью, а он тем временем водит бритвой по своей покрытой серым пухом щеке, видимо, никем еще не целованной. После бритья лицо сразу становится чистым, и сам хлопец при этом как бы светлеет. Отец и мать Пи́рошки тоже порой поглядывают то на дочку, то на того, вокруг которого она вьется. И не раз, верно, подумается хозяевам дома, что вот такой юноша мог бы и зятем быть, если бы не война с ее нечеловеческой жестокостью, которая вот таких славных, совсем молоденьких чьих-то сыновей забирает на свои тяжкие испытания. А потом, когда хлопец возьмется пришивать пуговицу к гимнастерке, то и Пи́рошка, склонившись возле него, что-то там советует, вразумляет, видимо, объясняет, как лучше это сделать, а когда он подшивает подворотничок и выходит это у него, как ей кажется, несколько криво, то девушка забирает из его рук шитье и сама уже своими проворными пальчиками завершает работу быстро и ладно. Глядя на эту юную пару, склоненную челом к челу над своим шитьем любви, не одному из нас, еще вчера месившему своей кирзой те постылые, залитые ледяной грязью траншеи, припомнится со щемящей болью в душе и свое что-то далекое, недостижимое ныне, но такое желанное, самое дорогое в жизни. Сверкая иглой, пальцы Пи́рошки время от времени касаются его пальцев, касаются словно бы совершенно случайно, невзначай, повторяется это и потом, когда они оба, устроившись на скамеечках возле печи, чистят вместе картошку. Снова тогда видно будет, как руки их, сблизившись, чуть коснувшись одна другой, мигом разлетаются, будто ударенные током. Лица у обоих все время будут пылать, глаза будут лучиться, и это, возможно, и являлось нам то редкостное мгновение, когда человеческое лицо предстает перед тобой в сиянии красоты, в ореоле счастья.

— Иван... Ваня... Иванко...— заучивает она его имя и влюбленно поднимает на Артеменко свое большеглазое ангельское личико.

Чистить картошку, то бишь на языке хозяев «крумпли пуцолить»,— это для нас потом и в окопах станет как бы шутливым паролем; время от времени то один, то другой из окопников, скрючившись от холода, мечтательно прононит соседям:

— Когда же снова нам выпадет «крумпли пуцолить»?..

И при этом, лукаво прищурясь, глянет на Артеменко, а тот ответит шутнику взглядом, полным грусти и признательности.

Но это потом, когда снова будем в окопах, пока же в этой уютной мадьярской хате просто идиллия. После ужина хлопцы, уже побритые и словно бы помолодевшие, вольно расстегнув чистые воротники гимнастерок, негромко затягивают возле печи свои домашние песни, а юная пара в это время у стола, склонившись голова к голове, отстраненная ото всех, нашла себе какое-то иное, милое сердцу занятие. Девушка, разложив лист бумаги и водя по нему карандашом, пытается что-то втолковать нашему другу, всякий раз слышится оттуда ее страстное, взволнованное «тудом?», «нем тудом?» (понимаешь? не понимаешь?), потом карандаш очутится у Артеменко в руке, и теперь уже он начнет что-то живо рисовать на бумаге, показывая нарисованное Пи́рошке:

— Ясно?

Если там появятся из-под карандаша деревья с кудрявыми кронами, то надо понимать, что это колхозный сад, первые кварталы которого Иван вместе с отцом высаживал перед

войной, а когда протянется тонюсенькая жилка на бумаге, то так и знайте, что это струится в степи его историческая речушка, которую он как бы дарит сейчас Пи́рошке:

— Это вот тебе красунечка наша степная...

Представляем и мы ее, то еле заметную, то полноводную, давнишнюю, где вся она «меж берегов от конницы аж кипит»!

— Тудом, тудом, ка-ра-шо!— щебечет девушка возле него, всякий раз наново расцветая. Тудом — то есть поняла она, сообразила, чем Иван занимался в жизни довоенной, чем и сейчас живет в своих мечтах. С полунамека схватывает Пи́рошка быстрым глазком суть его рисований, и им обоим так радостно становится, что найден общий язык,—никому, пожалуй, не удается так быстро и безошибочно достичь взаимопонимания, как влюбленным!

В счастливой отрешенности заняты они у стола своим рисованием, пребывают оба совершенно вне времени, ибо время, как известно, для влюбленных перестает существовать. Однако грозный, наполненный ночным ветром и мраком простор за окном — он от этого не исчезает, глухие, отдаленные гулы плацдарма — они не забывают о нас, и вот наступает уже минута, когда, будто посланец ненастья и тьмы, вбегает в хату взмокший связист, он скажет нам то, что требуется сказать, и на полуслове оборвется недопетая песня, все мы тут же подхватываемся, Иван, мигом отпрянув от стола, привычно набрасывает на плечи просушенную шинель, крепко затягивается ремнем, а Пи́рошка, испуганно замерев в углу, расширенными от ужаса глазами следит за каждым его движением.

Прощай, хата, теплая, приветливая!

С порога ныряем в темноту, в мокрядь, ветер, под низкое, тяжелое небо плацдарма.

Девушка, выбежав вдогонку, встревоженная, стоит на веранде, длинную сборчатую юбчонку ее треплет ветер, в тонкой, как стебелек, фигурке девушки в этот момент есть что-то горестное, беззащитное. Артеменко, оглянувшись, уже со двора, от колодца с журавлем, крикнет взволнованно, с болью в голосе:

— Иди уже, Пи́рошка, иди!

То есть в хату возвращайся, чтобы не простудилась, и знай, что жить теперь хлопец будет ожиданием следующей встречи.

Горбясь от ветра и дождя, все дальше топчем своей кирзой ночную грязь, все дальше уходим в поля, направляясь к переднему краю, где небо становится ниже и ниже, а тьма беспроглядней. Там, коченея в ледяной окопной воде, ждут нашей подмены товарищи.

А днем на плацдарме сравнительно тихо, он словно безлюдный, пустынный. Однако Артеменко знает, что вся эта тишина и безлюдье обманчивы, потому что если батареи — то они где-то меж холмами, в складках местности, а если люди — то по окопам, траншеям, блиндажам. Полки трех гвардейских дивизий зарылись тут по окружности в землю, тысячи глаз из-за брустверов день и ночь караулят нейтральную зону, в глубине души надеясь, что, может быть, здесь, в раскисших этих полях, и война стоклятая для них закончится, может, случится даже так, что плацдарм этот станет завершающим, и выстрел последний на земле прозвучит именно здесь, на плацдарме, после чего наступит тишина святая, всепланетная...

С добрыми предчувствиями выглянет утром Артеменко из окопа, увидит за полями знакомый, с темной кирхой Камендин, где осталась Пи́рошка, чья улыбка светит ему и сюда...

А еще дальше, за рекой, горы хмурят гранитные лбы, поглядывая в сторону плацдарма. Скалистые вершины кое-где еще пестреют плащ-накидками последнего, от туманов посеревшего снега. Авиации нет — низких сумрачных туч «юнкерсам» не пробить. Изредка среди полей снаряд взорвется. Клубок дыма появится, и тотчас же ветер сдует тот дикий ничейный чертополох войны.

От села кто-то бесстрашно поехал в глубь плацдарма на измученных своих лошаденках, в санях поехал, хотя на дороге там сейчас больше грязи, чем снега. О, если бы и впрямь здесь последний для вас выстрел прозвучал! Вмиг покрылись бы цветами все эти горы, а уставшие после бессонных ночей гвардейцы, поднявшись из своих раскисших, осточертевших окопищ, как ангелы, вознеслись бы в голубые небесные сферы, чтобы там, оказавшись в недосягаемости, наконец-то выспаться на белых пуховиках облаков!..

Пи́рошка, она сейчас была словно бы рядом с нашим Ваней Артеменко, владела его мыслями, согревала парня своими улыбками в его окопных студеных ночах. Вот уж кого одарил счастьем этот плацдарм! Разве мог юноша предчувствовать, где и кого полюбит, разве мог знать, что счастье явится ему за темным этим Гроном, так непохожим на его степную Калку. В далеком краю, в чужестранном селе, где кучи ящиков с боеприпасами по дворам, где звучат в хатах шутки гвардейские да звенит волнующий смех молодых мадьярок, встретит и его душа свою первую любовь. Впрочем, предчувствие чего-то необычайного Артеменко и прежде носил в себе, и вот оно произошло. Сам не заметил, как зародилось чувство, затеплилась его любовь, ибо разве не так называется эта его постоянная приподнятость, счастливая наполненность души, состояние, в котором он на плацдарме все время пребывает? Да, благодаря этому чувству он стал будто сильнее, легче ему стало преодолевать все невзгоды и опасности плацдарма.

В самом деле, что для Артеменко сейчас все эти опасности, и эти мертвые ракеты ночами над нейтральной, и холодище да грязь окопные... Ведь все это не вечно, ведь потерпи, сколько надо, и снова дадут подмену, и ты, пусть грязный, измордованный, снова после переднего края появишься там, где на пороге тебя встретит зардевшаяся, сияющая Пи́рошка.

Ничто на плацдарме будто и не предвещало нам беды. Углублялись в землю, обустраивались, как для длительного проживания, привыкая к однообразию окопных будней. И лишь изредка, ночами, во влажной кромешной тьме за нейтральной, особенно когда ветер был оттуда, становились нам слышны странные какие-то гулы, о причине которых плацдарм узнает значительно позже: это там, за морем темноты и под ее прикрытием, разгружались на крупной железнодорожной станции вражеские войска, срочно перебрасываемые фашистским командованием со своего западного фронта, из Арденн. За поражения на других фронтах враг решил взять реванш здесь и поэтому гнал и гнал сюда, к нашему плацдарму, свои отборные бронированные части.

И вот однажды на рассвете полезли на нас из тумана армады «тигров» и «пантер». Из каждой лощины нескончаемо ползли и ползли ревущие, смрадные эти чудища, круша с ходу наши окопы, взламывая блиндажи, шквалом огня накрывая все живое.

Несколько танков удалось поджечь, но вместо них из тумана, из-за каждого холма выползали все новые, утюжили окопы, вздыбливаясь, наваливались на блиндажи, стоны и крики раненых тонули в грохотах пальбы. Уже в первые минуты боя были порваны линии связи, артиллеристы, держась до последнего, били по наползающим танкам прямой наводкой, «тигры» вспыхивали тут и там среди раскисших полей — весь плацдарм стал вскоре сплошным ревом, туманом и дымом, всеохватным черным клубищем, которое во всех направлениях пронзали молнии огненных залпов, отчетливо видимых даже в тумане. Загуделозагрохотало на рассвете, и беспрестанно гудело дальше, земля плацдарма содрогалась, горела от края до края, и казалось, не будет конца этому побоищу, этой расправе над плацдармом.

Нет большего ужаса, чем видеть, как стальные гусеницы на глазах перемалывают раненых, исходящих криком людей. Тот, чью речь ты только что слышал, чья улыбка или даже шутка только что тебя подбадривала, в какой-то миг становится кровавым месивом в изрытой грязище среди разваленных траншей. Тылов больше не существовало, всюду был только передний край — от пехотинских, превращенных в черторой окопов, от командных пунктов и огневых позиций батарей до самого Грона, до его насквозь простреливаемой переправы громыхала сплошная, неутихающая битва. Очаги сопротивления в одном месте угасали, в другом возникали вновь, в единоборство с танками вступали пехотинцы, артиллеристы, минометчики, штабники, к вечеру ожесточенные схватки вспыхивали уже на подворьях Барта и Камендина, куда со всех полей стекались те, кого еще не растерзали танки, оба населенных пункта к ночи уже были охвачены пожарами, здесь враг потерял танков и бронетранспортеров больше всего: ведь среди кирпичных построек можно было долго защищаться, к тому же полные ящики патронов и гранат кучами лежали по дворам — бери сколько хочешь, и в бой, в бой.

Местное население, спасаясь, перебралось в бункера, всеми семьями люди попрятались в погребах, и лишь из одного окна, уже выбитого взрывом, то и дело выглядывала смертельно бледная, крайне встревоженная Пи́рошка, которой хоть мельком, а все же удалось увидеть, как перебегает по двору еле узнан-

ный ею при свете пожара Иван Артеменко с гранатами в обеих руках, бежит и не замечает никого и ничего, даже собственной крови на рукаве, потому что тут для солдата существует только цель, в виде грязного транспортера выползающая из-за соседнего угла...

Для каждого, кому суждено было выжить, пекло плацдарма запомнится как нечто безмерно жуткое, самое ужасное из всех кошмаров войны.

А после всего те, что остались, спят под скалой в мокрых шинелях, обняв винтовки. В смертельной усталости попадали тут, куда снарядам уже не достать. А когда проснутся, безмолвно обменяются взглядами, как бы не веря, что живы. И каждый затаит в себе чувство вины за утраченный плацдарм, как будто именно он виноват, что трагедия произошла, что стольким довелось пасть, не дойдя до желанного дня победы, так близко будучи от нее. Угрюмо смолят махорку под скалами, и разговаривать не хочется, и собственная жизнь для каждого будто потеряла вкус. Если изредка и перебросятся между собой словом, то разве лишь о том, кто кого видел в последний раз и при каких обстоятельствах, кому крикнул что-то раненый вдруг из саней, когда его вместе с другими везли к переправе и когда, подбежав к нему, смертельно раненному в живот, уже обреченному, ты еще встретил устремленные на тебя его глаза, неузнаваемо ясные, налитые слезой прощания.

Все мы на том плацдарме были на бегу, на лету, ощущение времени сместилось, будто на другой планете, даже и не сказать, сколько все это длилось и перевел ли ты хоть раз дыхание, прежде чем снова бросаться туда, где тебя ждал бой дневной, бой ночной, бой бесконечный, может, последний...

Несколько дней теснились под скалами, собираясь остатками подразделений, понемногу приходя в себя.

А где же Артеменко? Где он? Что с ним? Кто расскажет нам о нашем общем любимце, об одном из тех многочисленных, что пропали без вести на плацдарме?

Не было его среди нас, лишь нашелся один из соседней роты, который видел Ивана Артеменко во время боя с бронетранспортерами в Камендине, и комбат наш будто бы видел его отступающимся. Говорилось, что отличился там хлопец своим бесстрашием, в состоянии боевого неистовства бросался с гранатами, казалось, на видимую и неминуемую смерть, а чем это для него кончилось, так никто и не мог в точности сказать. Артеменко сейчас словно вырастал в наших глазах, всем нам вспоминалось, как он переменился, когда явилась ему любовь на плацдарме, теперь уже и вопросов не возникало, чем он, не такой уж и красавец, приглянулся той милой мадьярской девушке. Своей поэтической душой, чистой и непорочной, пленил ее, своими добрыми глазами, которые и для всех нас на плацдарме лучились такой неодолимой, веселой силой жизни.

А после трех суток Артеменко явился. Голова перебинтована и левая рука на перевязи, где-то успели оказать ему помощь, и хоть лицом осунулся, в глазах — дерзкое озорство человека, проверившего себя в тягчайших испытаниях.

Довольно спокойно выслушал Артеменко слова комбата о том, что за бой на плацдарме его представили к ордену Славы, а вот разрешение командира остаться в строю вместо того, чтобы идти в медсанбат, друг наш воспринял почти как награду. Так и приспособился: пойдет, сделают ему перевязку, и снова хлопец к нам, в свою минометную, столь сильно поредевшую на плацдарме. Если поинтересуется кто его ранением, отвечает шуткой:

— До свадьбы заживет.

А первая перевязка, оказывается, сделана была ему кем бы вы думали? Она, Пи́рошка, собственными руками перевязала его, считай, даже жизнь ему спасла, укрыв раненого в погребе, а потом сама же и вывела ночью на край Камендина, показав, как ближе ему пробраться к Грону... И больше всего Артеменко сейчас беспокоило, удалось ли ей вернуться домой незамеченной, не попала ли она в руки тем пьяным, озверелым салашистам, что кувалдами добивали возле кузницы наших раненых. Ведь узнай они, кого девушка спасала, пощады бы ей не было. Сидя под скалой, Артеменко, бывало, подолгу глядел на Камендин, который как-то зловеще затаился за Гроном, выделяясь пятнами своих красноватых черепичных крыш и островерхой кирхой посреди села. Прикипев к нему взглядом, словно ждал хлопец чьего-то появления оттуда, словно вот-вот должен был всплыть над крышами образ той, которая была теперь для него единственной, не заменимой никем.

Не погиб там, где трижды мог погибнуть; сто бед пережил, выскользнул из самого пекла, где, уже и раненный, сражался один на один с теми наползающими бронетранспортерами. Разве же не чудо? И не уверуешь разве после этого, что, может, и самое смерть от тебя отводила чья-то бесконечно дорогая тебе рука?..

Пожалуй, воистину целительными были для горячих Артеменковых ран те первые перевязки, сделанные ласковыми руками любимой, ибо на удивление быстро раны его заживали, вскорости он был в состоянии наравне со всеми выполнять свои воинские обязанности, еще сильнее уверовав, что отныне ему жить и жить.

И можно вообразить, какое чувство охватило Артеменко, когда после адской мясорубки плацдарма, после крайнего напряжения дальнейших наших переходов в скалистых горах, с их постоянной хмуростью, с их ветрами и бурями, с какими-то не по-весеннему студеными, словно бы и впрямь черными дождями, наконец, в один из дней выглянуло солнце, и потеплело враз, и глазам открылось белопенное половодье цветущих в долинах словацких садов! Расцвела, казалось, вся земля, белели все долины и склоны, и даже вдоль дорог всюду встречали нас просвеченные солнцем, до самых верхушек облитые цветом черешни.

— Это же и там, в Камендине, все зацвело,— слышали мы взволнованное от Ивана.

И ясно было, что думалось ему в эти минуты о Пи́рошке, не раз и вслух мечталось парню, как вот закончится вскоре война и он каким-то дивом-чудом окажется там, где осталась его возлюбленная, и, взявшись за руки, не спеша пойдут они в глубь своего весеннего райского сада...

Войска двигались вперед почти без выстрелов, какое-то непривычное затишье сопровождало нас на маршах, известно было, что и тот наш кровавый плацдарм вскоре стал могилой для врага — он был взят там в кольцо и уничтожен начисто. Так что всем нам в эти дни вздохнулось облегченно, мы почувствовали себя людьми, которым отныне дарована жизнь, и, казалось, цветущая эта весна будет теперь длиться для нас вечно.

Но в одну из ночей снова пришлось нам долбить кирками камни под склоном горы, устраивать огневую среди фруктовых деревьев, которые сейчас были не объектом для любований, а скорее мешали минометным расчетам своими разлапистыми ветвями. После ночи на рассвете увидели мы, где находимся. В садах очутились, среди расцветших персиков, где нежные бело-розовые соцветия почти касались наших лиц. А когда приходилось открывать огонь, то после каждого залпа лепестки осыпались прямо на раскаленные стволы минометов.

Потом был артналет бешеной силы, был шквал дико воющего металла. На наших глазах черным огнем ломало, уродовало цветущие деревья, и от снарядных ударов содрогались граниты всего предгорья. Удар, удар — и так без конца.

Навсегда остался Иван Артеменко в том саду. Какие-то минуты после налета он еще жил, и когда мы стояли, склонившись над ним, явственно слышно было, как губы его, бледнея, в изнеможении повторяли одно только слово:

— Пи́рошка... Пи́рошка...

Лицо его, на которое мадьярская девушка так влюбленно заглядывалась на плацдарме, чистое, спокойное это лицо сейчас вроде линяло, становилось серым, быстро менялось на глазах, росинки пота на лбу блестели застыло, а глаза, что так весело лучились нам на маршах, полные юношеского блеска и жизни, теперь уже ничего не замечали: ни товарищей, ни изувеченных снарядами деревьев, ни неба над ними, по-весеннему высокого,— в молодых этих глазах уже всплывала тоска угасания, тоска неотвратимая, последняя.

Человеку всегда тяжело расставаться с жизнью, но во сто крат тяжелее это расставание для души молодой, ненажившейся, когда дыхание обрывается столь безвременно и свет для тебя гаснет именно тогда, когда ждет тебя где-то любовь.

Через много лет выпало мне побывать в родных краях моего товарища, у его степной Калки. Речушка оказалась именно такой, какой и возникала перед нами из Артеменковых рассказов, предстала, собственно, ручейком, который поблескивал по дну степной балки, почти теряясь среди нависших с берегов лопухов и чертополоха. Млел знойной духотой день, разогретые травы, чебрецы встречали нас терпким прадавним духом всюду, где мы медленно шли с Артеменко-старшим, тоже фронтовиком. Затаив глубоко свою боль, он почти придирчиво, во всех подробностях расспрашивал о сыне: когда мы с ним подружились, где были вместе, но больше всего хотел знать, как отличился сын на плацдарме и что это за девушка была, о которой Иван написал ему в одном из последних писем. Пришлось рассказать, какая это и вправду славная была девушка и как уже потом, после Победы, когда эшелоны наши один за другим отправлялись с Балатона домой, в последний момент на перроне появилась среди провожающих юная девичья фигурка в сборчатой юбчонке и кто-то дернул меня за плечо:

— Гляди, Пи́рошка!..

Она быстро, почти бегом шла вдоль эшелона, который уже тронулся, жадно, с надеждой заглядывала в настежь открытые, переполненные бойцами вагоны, а глаза были такие неспокойные, ищущие...

Мы окликнули:

— Пи́рошка!

Она узнала нас и на бегу заговорила страстно, по-своему. И нам нетрудно было догадаться, кого она ищет: где он? Здесь ли он, Иванко с плацдарма?

Эшелон набирал скорость, а девушка все бежала и бежала, пока фигурка ее не затерялась среди толпы провожающих.

Артеменко-старший слушал, ничем не выказывая состояния своей души, несколько раз переспрашивал о том артналете, когда среди весенних деревьев оборвалась жизнь его сына.

Потом мы ехали на «газике» мимо каких-то каменистых холмов, где по склону среди трав, выпячиваясь, сверкали огромные граниты, и отец моего товарища пояснял, что это места заповедные, называются они Каменные Могилы и что отсюда, собственно, уже берет начало Донецкий кряж. В свете фар возникала время от времени трава какая-то необычно высокая, может, потому, что целинная, или потому, что была это трава ночная.

— Там множество видов,— говорил Артеменко-старший.— Нигде, пожалуй, на земле не осталось такого богатства флоры...

Уже при звездах показывал мне сад, который они когда-то вместе с сыном закладывали. Прямо из степи въехали мы в аллею плодовых деревьев, им, казалось, не будет конца. Все новые и новые возникали кварталы кальвилей, симиренок, джонатанов, ветвистые деревья гнулись под тяжестью плодов. Зашла между нами речь о Льве Платоновиче Симиренко, отце украинского садоводства,— с трудами его Артеменко-младший, оказывается, не разлучался, когда учился в техникуме садоводства. Его «Помология», по словам отца, возможно, и определила тогда Иванов жизненный выбор.

— Да если ж бы не война...— слышу тихое, вымолвленное сквозь сдержанную боль.

Машина остановилась посреди сада, где колодец с журавлем, как на подворье у Пи́рошки в Камендине. Вода глубоко, и звезды поблескивают в ней. Деревья стоят тихие, в задумчивости, небесный звездный плацдарм проглядывает к нам сквозь верхушки крон. Где-то поблизости журчит-булькает садовый арычок голосом детским, голосом жизни.

Слушаем этот мир, ночной, бесшумный, а мысли наши сейчас о нем, о нем, кому суждено было остаться далеко, в иных садах, сохранив там юность свою навечно.

Авторизованный перевод с украинского Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ.

Последний бой

Начало см. на стр. 4—5.

пировку. Группа полковника Родионова была выдвинута как передовой отряд, а затем вышла вся дивизия и перекрыла пути движения этой группировки. Часть их сил мы загнали назад в Берлин, но остальные остервенело рвались на запад. Четыре дня дивизия держала их. Во время одного из боев около двух тысяч фашистов прорвались на батарею капитана Шецило. Артиллеристы бились врукопашную, но почти все погибли.

Фашист, он всегда фашист. Казалось бы, есть задача пробиться к американцам. Ну и спешите, если можете. Так нет же, эти мерзавцы не могли не поиздеваться над ранеными батарейцами: они их били ногами, резали ножами. До чего же было горько хоронить этих солдат и офицеров, ведь они прошли тяжелейший героический путь от Кавказских гор до самого логова фашистов.

О Победе мы узнали в ночь с восьмого на девятое мая. Полки стояли в рощах и небольших населенных пунктах. Что тут началось! Мы стреляли вверх трассирующими пулями, пели, танцевали, плакали... Радость была огромная! Едва рассвело, многие сели за письма домой.

И вот тут я не могу не сказать, что эту необъятную радость и это безоглядное ликование мало кому из писателей или кинорежиссеров удалось передать по-настоящему. Видимо, в чувстве победы, одержанной после долгой, суровой войны, есть что-то особое, что трудно выразить словами или языком кино.

Маршал артиллерии
К. П. КАЗАКОВ:

— В последние месяцы войны я был командующим артиллерией 2-й ударной армии. А начал с командира гаубичного артполка.

Ставка Верховного Главнокомандования перед нами, артиллеристами, кроме всех прочих, поставила как самую важную такую задачу: уничтожать танки, главную силу немецкой армии. Этим я занимался всю войну, и танков мои батарейцы наколошматили изрядно.

Битва за Москву... Тяжко тогда было, очень тяжко. Гитлеровские танки лезли напролом. Но наше командование перебросило на самое опасное направление двадцать два противотанковых артполка, и танковые атаки захлебнулись. Помню, как в один из таких полков прибыл К. К. Рокоссовский. Он тогда сказал: «Я от вас не уйду, пока не уничтожите танки, которые движутся по Волоколамскому шоссе». И мы их уничтожили!

А позже в составе второй ударной армии мы вместе с Николаем Григорьевичем Лященко, который был командиром дивизии, провели девять больших наступательных операций. Особенно много работы было в Восточной Пруссии, но мы перебили хребет хваленым защитникам этого милитаристского гнезда. А в самой Германии шли вдоль Балтийского моря, пока не достигли крепости Мариенбург.

Не могу не сказать о своих товарищах-артиллеристах — участниках Берлинской операции. К этому времени советская промышленность дала нам 105 тысяч орудий. А в начале войны их было всего 37 тысяч. На Берлин командование направило 46 тысяч орудий, минометов и «катюш». А знаете, сколько было использовано под Берлином мин и снарядов? Один миллион двести тысяч. И это только за один день операции. Чтобы представить, много это или мало, скажу, что суммарный вес этих боеприпасов составляет 98 тысяч тонн, а чтобы их перевезти из глубины страны, понадобилось четыре тысячи вагонов. От такого шквального огня немцам просто некуда было деваться. Земля дрожала и горела в стане врага.

Тут уже говорили, что в первый день, вернее в первую ночь битвы за Берлин, артиллеристы били главным образом по тылам и местам скопления резервов противника. Но потом орудия выкатили на прямую наводку, и тут уж все доты, дзоты и тому подобное разлеталось вдребезги.

Вклад артиллеристов в дело победы неоценим, они уничтожили десятки тысяч танков и самолетов врага, огромное количество орудий и живой силы. Так что свое название «бог войны» артиллерия оправдала полностью.

Маршал авиации
И. И. ПСТЫГО:

— Прежде всего я хочу подчеркнуть один очень важный момент. Мне приходилось читать, особенно в романах, что к Берлину наша армия пришла уставшей, что люди не хотели воевать. Не верьте этим словам! К началу сорок пятого наша армия была сильна, как никогда, и, конечно же, мы сами управились бы с Гитлером. Что касается настроения, то наша армия была свежей, бодрой, боеспособной и дееспособной! Вспомните высказывание одного из полководцев: у отступающей армии раны гноятся дольше и заживают хуже, чем у наступающей. А ведь мы после Сталинграда только наступали. Так что перед Берлинской операцией у всех нас был невероятный подъем: сбылась наша мечта, сбылось то, о чем мы грезили в первые, самые трудные и горькие месяцы войны.

Я расскажу о летчиках. Известно, что Гитлер похоронил нашу авиацию в первые же дни войны. Он считал, что, понеся большие потери на аэродромах и в воздухе, советская авиация больше не воскреснет. Однако уже в Московской операции участвовало около тысячи самолетов.

Я начал войну 22 июня в должности командира звена. Пришлось оставлять Молдавию, Киев, Харьков, Богодухов, Полтаву. Но в 1942 году под Сталинградом мы дрались на равных. Там мы не только выстояли, но и победили! А после Курской битвы и сражений в небе Кубани стали хозяевами положения в воздухе!

В сорок пятом немецкие летчики дрались с отчаянием обреченных. Так что победа нам доставалась дорогой ценой! К тому же в небе Берлина мы столкнулись с такой новинкой, какой у нас еще не было: к началу Берлинской операции асы Геринга имели много реактивных самолетов. Нетрудно представить, какое это давало преимущество. Но наши летчики били немецких асов и на этих самолетах.

Первый же реактивный самолет, который встретил наш прославленный летчик-истребитель Кожедуб, был сбит. Иван Никитович сам расскажет, как это было.

Так что наша авиация и в Берлинской операции оставалась хозяйкой неба. И тут надо сказать о подвиге тружеников тыла. Вот несколько цифр: в 1941 году советская промышленность выпустила 8200 самолетов, в 1942-м — 21 700, в 1943 году — около 30 тысяч, в 1944 году — 33 200, в 1945 году — 19 100, больше просто не требовалось. И все это сделал наш народ — женщины, старики, дети, которым подставляли ящик, чтобы они могли доставать до станка.

А какие это были самолеты! Это и мой любимый «Ил-2» и «Лавочкин» и «Пе-2» и «Як».

Всего в полках ВВС за годы войны было 140 163 самолета. А по ленд-лизу от американцев мы получили лишь 13 700 самолетов, причем плохих. Позже мы разобрались, в чем тут дело: нам отправляли старые, сходящие с вооружения самолеты. Для себя они делали более современные.

В Берлинской операции участвовало семь с половиной тысяч наших самолетов, это почти в восемь раз больше, чем мы имели под Москвой.

В конце войны я был командиром штурмового авиаполка. Как немцы боялись штурмовиков, общеизвестно. И это понятно. Прикурить мы им, как говорится, давали по первое число!

После войны моя жизнь сложилась так счастливо, что я еще много и долго летал, освоил многие типы самолетов и дослужился до заместителя главнокомандующего ВВС. Это я говорю к тому, что хорошо знаю нынешнее состояние авиации, и не только советской. Я горжусь и не скрываю этого, откровенно горжусь сыновьями и внуками, которые охраняют небо нашей Родины. Как они это делают, известно: все попытки «прощупать» боеготовность и мастерство советских летчиков кончались плачевно. И так будет всегда!

Адмирал флота
Н. Д. СЕРГЕЕВ:

— В начале войны я служил в главном морском штабе, но вскоре был назначен командиром бригады кораблей Волжской военной флотилии. О вкладе этой флотилии в разгром врага под Сталинградом написано много.

Я расскажу о том, что делали наши флоты на заключительном этапе войны. Моряки корабельной артиллерии оказывали содействие сухопутным войскам, высаживали десанты — всего за войну их было сто тринадцать,—тралили мины, активно действовала морская авиация. И тут я не могу не напомнить, что первые советские бомбы на Берлин в августе сорок первого сбросили морские летчики.

В сорок пятом моряки Балтийского флота, взаимодействуя с войсками Прибалтийского и Белорусских фронтов, участвовали в разгроме Кенигсбергской, Земландской и Померанской группировок врага.

Только в последние месяцы войны балтийцы потопили около 200 крупных транспортов немцев общим водоизмещением более 500 тысяч тонн, пустили на дно 150 военных и вспомогательных кораблей.

Северный флот совместно с сухопутными войсками ни одной пяди земли не отдал врагу за все четыре года войны. Мы не отдали ни Мурманск, ни Полярный, ни Екатерининскую Гавань, не дали перерезать железнодорожную магистраль, ведущую к Петрозаводску. Отлично показали себя моряки в борьбе с немецкими подводными лодками. Фашисты уже имели акустические торпеды. Гитлер приказал не пропустить ни одного конвоя с грузами, идущими по ленд-лизу. Потери, конечно, были. Но конвои прошли. Прошли потому, что их надежно охранял Северный флот.

Что касается славных черноморцев, то они к 1945 году стали действовать со своих военно-морских баз. Севастополь и Одесса были уже освобождены. Хорошо помогала пехоте Дунайская флотилия, особенно во время Венской операции. Но больше всех повезло морякам Днепровской флотилии — ведь они участвовали в Берлинской операции. Катера-полуглиссеры на железнодорожных платформах были доставлены к берегам Шпрее. Мосты взорваны, а форсировать реку надо. Тут-то и пригодились катера; на них был переброшен 90-й стрелковый корпус генерала Рослого. И это под ожесточенным огнем противника.

Когда маршал Жуков подводил итоги операции, генералы докладывали ему о состоянии дел. Командир корпуса генерал Рослый сказал, что, прежде чем докладывать о действии войск, он хотел бы низко поклониться морякам Днепровской флотилии, без которых в этой операции его корпусу вряд ли удалось бы выполнить поставленную задачу. И при всех низко поклонился.

Одиннадцать моряков удостоены за эти бои звания Героя Советского Союза, девять из них — посмертно.

Адмирал
В. С. СЫСОЕВ:

— Обстановка к весне 1945 года для всех наших флотов изменилась принципиально. Успешные действия войск на всех фронтах позволили освободить многие военно-морские базы и активизировать боевую деятельность кораблей, подводных лодок и авиации.

После освобождения Крымского побережья от фашистских оккупантов радостным событием для Черноморского флота было возвращение кораблей в свою главную базу — Севастополь. Это произошло 5 ноября 1944 года в 14 часов. Но на этом военные действия на Черном море не прекратились.

Сразу же с началом Ясско-Кишиневской операции ВВС флота нанесли удары по порту Сулина и Констанца, где было сосредоточено большое количество судов.

Удар авиации был очень эффективным. Это позволило форсировать Днестровский лиман и высадить несколько морских десантов.

Тогда же корабли Дунайской флотилии перебросили часть войск 3-го Украинского фронта через Дунай, в результате они быстро достигли Констанцы и вышли на румынско-болгарскую границу раньше намеченных сроков.

Все, кто в те дни служил на Черноморском флоте, помнят, что серьезных боевых действий у нас уже не было, и мы, что называется, заскучали. Боевой дух черноморцев был так высок, что они завалили командование рапортами с просьбой списать на берег и дать возможность бить врага в его же логове. Потери в последних боях были немалые, поэтому многие рапорты удовлетворялись. Так что солдаты в бескозырках дошли до Берлина и нагоняли на врага такой же страх, как под Одессой и Севастополем.

Генерал армии
С. П. ВАСЯГИН:

— Мне довелось в составе войск 3-го Белорусского фронта принимать участие в разгроме группировки немецких войск в Восточной Пруссии. Известно, что Восточная Пруссия — это мощный бастион прусского милитаризма. Отсюда немцы напали на Советскую Белоруссию и Советскую Литву. Восточная Пруссия была крупным военно-промышленным районом, основной продовольственной базой Германии.

Как начальник политотдела дивизии, а затем корпуса, я хочу рассказать о партийно-политической работе в войсках. Основные принципы партийно-политической работы во время Восточно-Прусской операции оставались теми же, что и за время всей войны. Однако в связи с переходом войск за рубежи нашей Родины перед политорганами встали новые задачи, значительно повысились требования к организации всей воспитательной работы.

Большое внимание обращалось на разъяснение целей и задач освободительной миссии Советской Армии. Люди должны были знать, что мы ненавидим фашистских захватчиков не потому, что они немцы, а потому, что они причинили нашему народу неисчислимые бедствия и большое горе. Мы разъясняли воинам, что нельзя смешивать гитлеровских преступников с немецким народом, внушали, что советские воины должны себя вести достойно за рубежами нашей страны. Мы вступили на территорию Германии как освободители немецкого народа от фашизма. Мне не раз приходилось беседовать с немцами, и все они были удивлены благородством, великодушием, с которыми наши воины вели себя с немецким населением.

Пребывание советских войск за пределами Родины обязывало нас совершенствовать интернациональное воспитание солдат и офицеров.

В связи с вступлением советских войск на территорию оккупированных стран возникли проблемы политической работы среди гражданского населения, установления правильных взаимоотношений с местными властями.

Была поставлена еще одна большая задача: уделять особое внимание росту рядов партии, укреплению ротных партийных организаций, личному примеру в бою коммунистов. На передовой, в первых рядах атакующих всегда были и политработники, которые своим личным примером показывали, как надо бить врага.

Партийные организации на фронте, коммунисты цементировали личный состав армии, проявляли в боях исключительное мужество. Например, 70 процентов коммунистов нашей дивизии было награждено орденами и медалями Советского Союза.

Генерал-полковник авиации
И. Н. КОЖЕДУБ:

— На войне я с марта сорок третьего, а в авиации с сорокового. Вы спросите, почему на фронт попал так поздно. Ничего не поделаешь, приказ есть приказ. А приказ был короток: готовить летчиков для фронта. На рапорты внимания не обращали или проводили такую разъяснительную беседу, что о рапортах забывали раз и навсегда. Так что воевал я чуть больше двух лет, но за это время успел сделать 330 боевых вылетов, участвовал в 120 воздушных боях и сбил 62 фашистских стервятника.

Рассказать можно было бы о каждом из боев, и рассказать немало — до сих пор не забыта ни одна деталь. Но Иван Иванович Пстыго напомнил о том, как я сбил реактивный самолет. Это действительно был особенный бой.

О том, что у немцев появились реактивные самолеты, мы знали. Но что это за зверь, как его бить, никто не имел понятия. И вот возвращаюсь я однажды с «охоты» из района Берлина. Наш полк тогда занимался только воздушной охотой: мы проникали на территорию врага, наводили там панику, искали и уничтожали все, что летает.

На подходе к Одеру вижу, что на высоте около трех тысяч метров в направлении на север летит какой-то необычный самолет. Я в это время находился метров на пятьсот выше его. Начал преследование. Он шел со скоростью 600 километров, надеясь на то, что его никто не догонит и не тронет. Я летел на истребителе Лавочкина и выжимал из него около 700 километров. А тут, глазам не верю, уже 720 километров в час! Но догнать не могу. Вскоре я перешел на горизонтальный полет и стал отставать. Мой ведомый Титаренко, летевший с правой стороны, открыл огонь. Фашистский летчик увидел трассу и начал отворачивать влево, то есть прямо на меня. Тут уж я, как говорится, врубил по нему всем, чем мог! Попал точно — и самолет разлетелся на куски. Это убедило нас: противника можно бить даже тогда, когда его техника совершеннее. Ненависть, непримиримая ненависть к врагу, иной раз надежнее и неотразимее любого другого оружия.

В День Победы я был на Красной площади. Что там творилось! Народ ликовал, все целовались, обнимались, качали военных. Я тоже «летал» в воздухе — впервые без крыльев и мотора.

Много у нас праздников — больших и славных, но День Победы особый, и он на века — так как это единственный праздник со слезами на глазах. Как бы мы ни ликовали, как бы ни радовались, мы всегда будем помнить, что за эту радость отдали свои жизни 20 миллионов достойнейших сыновей и дочерей нашей Родины.

Генерал армии
И. Е. ШАВРОВ:

— Первый бой в Великой Отечественной я принял под Рославлем. Фашистские танки лезли напролом, они были уверены, что советские танкисты ничего не смогут им противопоставить. Но мы вступали в схватки и останавливали новейшие немецкие машины. А когда «тридцатьчетверки» и КВ появились в достаточном количестве, немцы напролом уже не лезли и обходили те места, где были наши танки.

Сегодня летчики говорили о том, как хорошо работала авиационная промышленность. То же самое я хочу сказать и о танкостроителях. Судите сами. Если под Москвой у нас было 774 танка, под Сталинградом 1500, то под Берлином 6250 танков новейших модификаций.

Наш корпус в Берлинской операции не участвовал, мы в это время в Курляндии добивали крупную группировку противника. Это дало возможность создать условия для быстрого развития операции по взятию Берлина: из этой группировки гитлеровцы не смогли перебросить ни одной дивизии для спасения своей столицы. А ведь Гитлер говорил, обращаясь к армии и населению, что, мол, ничего страшного в том, что русские под Берлином, нет: стояли же мы под Москвой, а они нас погнали; так же и мы, немцы, погоним русских. Не тут-то было! Наши вошли в Берлин, и танкисты вели огонь по рейхстагу и рейхсканцелярии, помогая пехоте выкуривать отчаянно сопротивляющихся фашистов.

Вы, конечно, видели: во многих городах и поселках Советского Союза и даже за границей на высоких постаментах стоят краснозвездные танки. Это не случайно. Танки были нашей главной ударной силой. Они сминали врага, но они же принимали на себя всю мощь огня противника. Поэтому потери среди танкистов были немалые. Танк на пьедестале — это памятник несгибаемому духу и отчаянной храбрости солдат, закованных в броню, памятник живым и павшим, всем, кто приближал День Победы.

Генерал армии
Н. Г. ЛЯЩЕНКО:

— Войну я встретил, уже имея немалый боевой опыт. Будучи курсантом, сражался в Средней Азии с басмачами, потом около двух лет провел в Испании. Уже там мы почувствовали, что началась подготовка большой войны против Советского Союза.

Позже военная судьба забросила меня под Ленинград. Я принимал участие в прорыве и снятии блокады Ленинграда, освобождал Прибалтику и дошел до Германии.

Мне довелось воевать вместе и довольно близко знать таких известных военачальников и партийных руководителей, как Р. Я. Малиновский, А. И. Еременко, А. А. Гречко, Л. А. Говоров, А. А. Жданов, А. А. Кузнецов... Какие это были люди! Особенно тепло я вспоминаю Кузнецова. Он умел находить себя в любой аудитории. С солдатами говорил на понятном им языке, с генералами — так, как надо говорить с генералами. Я никогда не забуду его приезд во 2-ю ударную армию. На встрече один из политработников спросил: «Правда ли, что вы возите с собой шестилетнего сына?» Он удивился: «Откуда вы это знаете? Кто вам это сказал?» Но потом добавил: «Да, я привез с собой и сына. Конечно, можно было бы отправить его в тыл. Но я этого не сделал. Сына вожу с собой как символ того, что наш народ победит и враг будет разбит!»

О Ленинграде я могу говорить без конца. Это моя особая любовь. Вы только подумайте: война шла на территории сорока государств, а в блокаде устоял только один город — дорогой наш Ленинград. Я до сих пор храню 125-граммовый кусочек хлеба — это суточная норма жителей блокадного Ленинграда.

Наши солдаты получали 300 граммов хлеба — тоже не густо, — и все же они отдавали часть своего пайка больным и раненым, которые были в Ленинграде.

Позже мне довелось участвовать в освобождении Прибалтики, Польши, и вот, наконец, мы в Германии. Дивизия, которой я командовал, в составе 2-й ударной армии вышла к Одеру. Река серьезная, и форсировать ее не так-то просто. Но мы имели опыт форсирования рек и пошире этой, поэтому подготовка к переправе шла спокойно и основательно. Накануне наступления, как всегда, были проведены митинги, на которых было прочитано обращение Военного совета фронта. У меня сохранился его текст: «Родина ждет от воинов Красной Армии окончательной победы над фашистской Германией. Сила врага на исходе. Он не может долго сопротивляться! Шире богатырский шаг, советские герои! Вас ждет победа! Вперед, на окончательный разгром врага!»

И вот началось... До чего же славно поработали тогда артиллеристы! Они так подчистили все рощи и перелески, сровняли холмы и засыпали овраги, выкосили кустики, что нам, пехотинцам, ничего не оставалось, как идти и идти вперед. Узлы сопротивления, конечно, были, но мы около них не задерживались, а блокировали их и шли дальше. Наша цель — Штеттин. Вскоре этот город пал. Теперь перед нами был Грайфсвальд. И тут случилось непредвиденное — из комдива я на некоторое время превратился в дипломата. А дело было так. Грайфсвальд — город старинный, красивый, особенно известен его университет и уникальная библиотека. Начни мы наступление с артподготовкой и хорошей бомбежкой, от всего этого не осталось бы и следа. Казалось бы, какое нам до всего этого дело? Они-то наши города не жалели! Но советский солдат был воспитан иначе... Короче говоря, мы предложили гарнизону города сдаться без боя. И вот в ночь на 30 апреля к нам прибыли парламентеры во главе с заместителем коменданта. Мы потребовали, чтобы к утру город был готов к сдаче. В десять ноль-ноль направили в Грайфсвальд своих представителей, и те убедились, что части гарнизона сложили оружие.

А вскоре я приехал в ратушу и принял доклад коменданта о безоговорочной капитуляции, а у бургомистра — ключи от города. Но на этом моя миссия не закончилась. Впереди был Штральзунд, который защищали фанатики. Связь со Штральзундом была: немецкие телефонисты довольно быстро соединили меня с генералом Хаусшульцем. Я назвал себя и предложил сдать город без боя, как это сделал комендант Грайфсвальда полковник Петерсхаген. Генерал не поверил. Тогда я передал трубку бывшему коменданту. Тот выслушал генерала, поморщился, бросил трубку и сказал: «Этот грубиян меня оскорбил. Больше разговаривать с этим сумасшедшим не буду».

Город пришлось штурмовать. Опять кровь, пожары, бессмысленные смерти — и все по вине одного человека, генерала Хаусшульца. Но сам генерал и многие матерые фашисты успели переправиться на остров Рюген, откуда они мечтали удрать в Швецию. Я снова предложил капитулировать... Переговоры затянулись до 3 мая. Берлин пал, а мы возимся с каким-то островком! Надоело. И тогда я сказал: «В шесть утра— безоговорочная капитуляция. Или мы начнем форсировать пролив». Подействовало. Утром немцы выбросили белые флаги. Но генерал и его окружение на кораблях удрали в Швецию. Тогда я связался с летчиками-штурмовиками... Двадцать шесть кораблей потопили они в тот день, так что фанатики-фашисты нашли свой конец на дне Балтики.

Война для нас закончилась. Нашу дивизию расквартировали по соседству с английской зоной. Тогда мы жили дружно и общались друг с другом чуть ли не каждый день. И вот как-то командир 51-й шотландской дивизии генерал Барбер предложил сыграть с ними в футбол. У нас, конечно, не было ни трусов, ни маек, ни мячей, но сыграть хотелось. В дивизии было много ленинградцев, а они ребята спортивные. Короче говоря, сшили сами из нательных рубах что-то вроде маек и вышли на поле. Шотландцы сперва смеялись — они-то откормленные, холеные, чистенькие, в прекрасной форме. Но когда увидели наших солдат — с рубцами, ранами, ожогами, то бросились к ним. Начали обнимать, целовать, гладить их раны. Они и представить не могли, через какие испытания прошли наши солдаты. Кое-кто из английских офицеров морщился и покрикивал на своих парней, но те не обращали внимания. Так что простые люди всегда поймут друг друга, поймут и оценят — в этом я глубоко убежден.

* * *

В заключение встречи за «круглым столом» «Огонька» прозвучали слова Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, сказанные много лет назад, но имеющие глубокий смысл и ныне: «С каждым годом по времени мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей. Для них война — это наши воспоминания о ней. А нас, участников этих исторических событий, становится все меньше и меньше. Но я убежден: время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. Это было необычайно трудное, но и очень славное время. Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет всю жизнь потом черпать силы в этой победе.

Это справедливо и для всего народа. Наша победа в войне с фашизмом, говоря возвышенным языком,— звездный час в жизни советского народа. В те годы мы еще больше закалились и скопили огромный моральный капитал. Оглядываясь назад, мы всегда будем помнить тех, кто не щадил себя для победы над врагом нашей Родины».

Встречу за «круглым столом» «Огонька» подготовил и записал Б. СОПЕЛЬНЯК.

Защитники Сталинграда.

Олег ПЕТРИЧЕНКО

Солдат полков прорыва

И в ярости своей и в нежности жизнь чаще всего придерживается золотой середины, поровну оделяя каждого из нас и светлыми и горькими минутами. Но выпадают порой судьбы, которые она словно проверяет на прочность.

...Три раза горел в танке стрелок-радист Петр Григорьевич Антипов. Хоть и могуч тяжелый КВ, крепка его броня, да все же нет на свете такой стали, чтобы от любой беды защитила.

Первый раз беда поджидала Антипова под Сталинградом. А может, и раньше, в блокадном Ленинграде, куда направили новобранца учиться на радиоспециалиста. Но не было тыла в осажденном городе, и, как в самом жестоком бою, от обстрелов и голода на глазах таяли крепкие двадцатилетние парни. В Челябинск их вывозили по Дороге жизни, и по сей день не забыть Антипову злое чувство бессилия, когда их, молодых, нераненых, под руки грузили в кузов полуторки, затем в вагон. Сами подняться уже не могли.

Ему довелось вернуться сюда в январе 1944 года, уже после Сталинграда, чтобы взломать тесный фашистский обруч, почти три года сжимавший израненный, несдавшийся город.

Он воевал на тяжелых танках КВ, в полках прорыва, боевая задача которых всегда была неизменна: самыми первыми в самое пекло.

Что это такое — в полной мере ощутил под Сталинградом, когда после яростного многочасового боя за высоту 465,6 к вечеру из всей бригады остались лишь три относительно целые машины. Там горел впервые, там погиб его первый танк «Гроза». Следующий — «Уралец» — оказался удачливее, дожил до капитального ремонта. Ну, а потом пошли КВ без названий — номерные, и было их по числу крупных боев: прорыв, он прорыв и есть, что ни припас враг для атакующих, пробовать тебе.

Гостинцев этих он отведал сполна и сполна испытал острую боль утрат. Пять человек в экипаже, пять кровных братьев, словно пять пальцев на руке. Какой ни потеряй — все больно, особенно если рядом друг и глядишь ты в его голубые, как у тебя глаза, и плачешь оттого, что ничем не согнать с них, всегда ясных, сияющих, мутный смертельный туман. Сколько экипажей сменилось, а с Мишей Тархановым судьба не разлучала до самого Пскова. А там два прямых попадания, пробило правый борт, и на руках погиб дорогой товарищ. Должен был и Петр сгореть вместе с ним — крепко ушибло позвоночник, но уже на каком-то запредельном усилии сумел добраться до люка. Следующая болванка, взорвавшая баки с горючим, волной швырнула его в столб пламени, а дальше все как в страшном сне: бежал, катался в снегу, потом подоспели ребята, сорвали горевшую одежду, спасли.

Было это, когда всесокрушающей лавиной устремились они с Пулковских высот на Красное Село, Тайцы, Гатчину, и сердце ликовало, пело, потому что исполнялось заветное—проклятый враг был смят, и хоть огрызался больно, драпал без оглядки.

Дорого заплатил Петр за эту радость, но знал, что еще дороже расплатятся за его беду незваные гости, к дому которых вели теперь фронтовые дороги.

Лично ему довелось дойти только до порога: 15 января 1945 года во время атаки на наревском плацдарме в Польше война решительно и жестоко перечеркнула его жизнь.

— В бою все страшное случается внезапно. Вышли в поле, оглядел его внимательно, вроде никаких сюрпризов не предвидится — белое, пустое до горизонта. Впереди, правда, траншея какая-то, саданул в нее из пулемета на всякий случай, но тоже вроде никого. И вдруг два резких удара по броне. Сначала-то подумал, ерунда, из ПТР, а оглянулся — в моторном отделении дымище, люк открыт, и ребята пулей вылетают. Ну и я за ними, думать тут некогда. Выскочил, гляжу, командиру и младшему механику повезло — ушли под прикрытием дыма. Остальным удачи уже не хватило — командира орудия убило, техника-лейтенанта у левого борта тоже уложило насмерть. Ну, а я заметил в стороне какую-то дыру в земле, вроде индивидуального окопчика, и туда. Прыгнул, значит, а там какое-то фрицевское лицо перепуганное, и язык от него огненный тянется — бил он в меня с автомата в упор и левую руку срезал, считай, начисто, на лоскутках повисла. Окопчик-то оказался замаскированным ходом в блиндаж, заполненный немцами. А я, раненый, что могу поделать. На меня и боеприпас тратить не стали, прикладами добили. Офицер ихний для верности в лицо из пистолета стрельнул. Тут все и кончилось.

Когда в себя пришел — не знаю. Очнулся, слышу, артподготовка началась, наши лупят. Вроде ко мне прямиком снаряды летят, а мне не страшно, свои ведь, неужто еще раз убьют. Немного испугался, когда «ура» раздалось, пехота пошла. Траншея-то чужая, чуть пискни, на ходу гранату кинут, после разбираться будут, кто там оказался. И все же ору что есть силы: «Славяне, славяне». Это мне казалось, что ору, шептал, наверное, сил совсем не осталось. И все же чудом услышал какой-то солдатик, наклонился, боязливо так спрашивает: «Кто тут?» «Танкист,— отвечаю,— раненый». «Вылазь». «Не могу». «А кто с тобой еще есть?» «Никого».

Новобранец, видать, оказался, затвор на всякий случай взвел. Глянул на меня, снова убежал. К танкистам. Полушубок принес, сухарь. Майор какой-то подошел: «Кто такой?» Глазами показал на свой разбитый 303-й КВ, с него, мол.

Ну, а дальше и совсем неинтересно. В медсанбате с меня попытались портянки снять, а они к ногам примерзли. Отрезали мне левую руку под корень, у правой кисть, обе ноги ликвидировали. И остался я в двадцать четыре года таким вот обрубком. Да, когда в блиндаже спросил у солдата число — не поверил. Оказалось, что без сознания я ровно пять суток провалялся — с 15 по 20 января.

Уверен — мало кто, хоть трижды тренированный и здоровый, рискнет просто пролежать без движения в обычном солдатском обмундировании несколько дней на дне стылой, обледеневшей траншеи. Исход такого эксперимента слишком очевиден.

Так как же выдюжил стрелок-радист? Какой ангел-хранитель распростер над ним свои крылья? Пять суток на морозе, истекая кровью, без еды, питья, с разбитой головой... Рассказываю эту историю знакомым специалистам — медикам, биологам — не верят, говорят, что подобная физическая живучесть человека противоречит всем мыслимым законам.

Не поверил бы и сам, да вот, спустя сорок лет после той трагической недели, вместе с Антиповым идем по тихой лесной дорожке, и я невольно стараюсь сбавить шаг, хоть и знаю, что накануне Петр Григорьевич вот так же пешком намотал по здешнему бездорожью не один километр. Такая уж у него хлопотная «марафонская», как подшучивает, должность — лесничий Волховстроевского лесничества.

Под его опекой 26 тысяч гектаров, и за каждым глаз да глаз нужен. С трех сторон подступает к владениям Волхов, около двадцати деревень на вверенной территории да и многомиллионный Ленинград рядом. А лесников недобор, вместо положенных четырнадцати хорошо пять человек на работу выходят, а работы этой и ротой не переделать.

По памяти, как наболевшее, Петр Григорьевич называет задания плана:

— 130 га надо осветлить; 140 га посадить; прорубить 25 километров просеки...

Но меня отчего-то особенно поразила картошка — сдать ее нужно три тонны. А также две тонны клюквы, тридцать тонн сена — в общем, несколько идеализированное, городское представление о вольной жизни лесника, не столько работающего, сколько прогуливающегося с двустволкой по свежему воздуху, рушится на глазах. Как при таком-то плане они еще ухитряются и участки обходить — ума не приложу. Ладно была бы еще техника в помощь, а то на все про все один трактор да две бензопилы. Да еще лошадь. Но это скорее средство передвижения, нежели тягловая единица, так как безотказный трудяга УАЗ, верой-правдой служивший несколько лет, окончательно «угробил здоровье» на местных колдобинах, и в ремонт нынче его просто не взяли — выдали справку, что годен он только на металлолом.

Описываю все эти сложности (кстати, рассказал о них не Антипов, он по части жалоб немногословен) ради того, чтобы дать хотя бы приблизительное представление о круге забот лесничего. Как ему удается при нехватке людей и техники обихаживать свои десятки тысяч гектаров — не представляю, а он тем не менее поддерживает их в должном состоянии...

Что за судьбу себе выбирал после армии, Петр Григорьевич знал хорошо — в лесу трудились и дед, и отец. Место будущей работы тоже было известно: «Ель, сосна, осина — грустная картина». Петр Григорьевич вообще любит поэзию. Ну, а насчет грустной картины — дело поправимое. Еще в 60-м году защитил во Всесоюзном заочном лесотехническом институте диплом на тему «Реконструкция малоценных молодняков Волховстроевского лесничества». И сделать успел многое: уже прижились, набирают силу десятки гектаров дуба, лиственницы, подрастает в питомнике кедр.

Мечты лесовода требуют терпения, порой и жизни человеческой не хватает, чтобы увидеть дело рук своих во всей красоте да силе. Глядя на Антипова, понимаешь — тому, кто заглядывает далеко вперед, надо быть в чем-то выше сегодняшних забот и неприятностей, сохраняя во всех передрягах философское спокойствие и невозмутимость. Понимаешь это умом, а попробуй-ка «быть выше», если и браконьер, что хуже дикого зверя, в тебя не раз целился, и с бюрократами повоевать пришлось, а главное, отношение к природе многих граждан и организаций все еще остается на первобытно-потребительском уровне: абы хапнуть.

Небросок, быть может, не сразу заметен кропотливый, ежедневный труд Антипова, его товарищей. Но вот на месте бывшей га-

Рядом с героем — красные следопыты Волхова. **Фото А. Медведникова**

ри (война тяжело прошлась по волховской земле) поднялась, зашелестела нежными листочками белоствольная рощица, разгулялись, расплодились лоси, вернулись ценители чистой, прозрачной воды бобры. Тридцать шесть лет работы на одном месте все же немалый срок, и хоть скупа, нетороплива на благодарность природа, грустным здешний лес уже никак не назовешь — чист, опрятен, ухожен.

Какого здоровья это стоило — объяснять не нужно, лесная работа любому здоровяку жилы вытянет. А как же Антипов-то?

И опять вопрос, на который не берусь дать ответ. Ясно, что бензопила да топор не его инструменты. Но и не кабинетный он «сиделец» — чтобы роща поднялась, надо каждому саженцу, и не раз, в пояс поклониться. И так зачастую накланяется за день, что к вечеру ноги снова как в огне.

Конечно, мог бы, с точки зрения стороннего человека, устроиться и получше. Но от досужих разговоров на эту тему уклоняется, отшучивается: «Я в этой земле тоже корни пустил». И кряжистый, могучий, как дуб-ветеран, крепко стоит на своем, не кланяясь никаким житейским бурям, верно, как отец и дед, служа единственному бессменному начальнику души своей — Русскому лесу.

Был молод — покачнулся раз. Покачнулся там, где другие ломались напрочь. Да и как не сломаться, если немилосердная война из всех ужасов, что есть в ее арсенале, уготовила тебе в расцвете лет едва ли не самое страшное.

— Спасла меня мама, Анна Кирилловна, женщина великого героизма и редкого мужества,— говорит Петр Григорьевич.— Еще в 1924 году осталась она вдовой, совсем молоденькая с четырьмя мальчишками на руках. Отец тогда служил на границе с буржуазной Латвией, погиб в схватке. Переехали мы в Старую Ладогу, это тринадцать километров отсюда ниже по Волхову. Ох, и хлебнули нужды. Родственников никого, все доходы на пятерых — пенсия в двадцать два рубля. По-хорошему-то маме и работать нельзя было, сердечница, инвалид второй группы. Добрые люди советовали ей нас в детский дом определить, чтобы самой выжить и сыновей спасти. А она ни в какую, сама в тот детский дом устроилась уборщицей. И еще ночами шила. Мы на иголке выросли, под стрекот швейной машинки и спать ложились, и просыпались. Помогали, конечно, чем могли, запасы в лесу, в реке на зиму делали, но все едино — бедствовали жутко. Однако мама всех не только одела, обула — в люди вывела. По тогдашнему уровню образования техникум, пожалуй, значительней нынешнего вуза был, так мы в тихвинский лесной поступили и учились хорошо, в охотку. Начали было вставать на ноги, и тут еще испытание маме — война. Проводила четверых, получила от нее, если так можно выразиться, полтора человека. Младший брат, Василий, самый удачливый оказался: Румынию, Болгарию, Югославию прошел — не царапнуло. Сейчас он профессор кафедры лесных культур Белорусского технологического института имени С. М. Кирова. Ну, а старший, Федор, в Колпине похоронен, второй — Владимир — под Тулой, в Арсеньевском районе. Одно утешение маме — отважно воевали, за города-герои полегли. К исходу войны получила и обо мне весточку — лежу в саратовском госпитале. Приезжает, глядит, я весь простыней укрыт, а, наверное, и наволочки хорошей бы на меня хватило. Но улыбается, гладит, спрашивает: «Глаза-то, сынок, хоть целы, чего затуманились?..» Как она держалась, где силы взяла? Потом уж узнал, что она до кабинета главного врача майора Галактионова горе свое несла, не расплескав, без нее вокруг чужого хватало, и лишь там душу отвела, выплакалась. А я так и слезинки у нее не увидал, разве когда ей про подвиг Маресьева книгу читал. С Маресьевым мы на московском протезном заводе встретились, в приемной. Он мне посочувствовал: «Без обеих рук — плохо». «У меня,— отвечаю,— и ног нет, точно как у вас». Второй раз его уже на обложке книги в киоске на вокзале увидел. Купил и дома с мамой вслух читал. Вот тогда она и расплакалась.

По госпиталям я больше двух лет путешествовал, операции переживал. В конце концов отпустили домой. Привезла меня мама из Москвы, тут брат вернулся — духом пасть не давали. Учился ходить на протезах, писать — на правой руке мне хирурги вроде два пальца смастерили, ими карандаш зажал. Еще в госпитале окончил курсы пчеловодов и бухгалтеров, но все хотелось к себе, в лес. Решил вернуться в техникум. Днем лекции слушаю, ночью их с чужих конспектов переписываю. Окончил с отличием. А с хозяйством, заметьте, все попрежнему мама управлялась, наши занятия поддерживала. И тянула, пока мы с братом не оперились, на ноги крепко не встали. Жена моя, Анна Тимофеевна, справедливо говорит, что два раза я на свет родился, и оба раза благодаря ей — маме.

...Не обошла жизнь Петра Антипова испытаниями, не обошла и наградами. Орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Славы, девятью медалями, в том числе иностранными, отмечен его ратный путь. За мирный труд удостоен он высокого звания Героя Социалистического Труда. Кажется, это единственный лесничий в стране и наверняка единственный человек вообще, сумевший, несмотря на столь страшные ранения, достичь подобной вершины в мирной работе. Повезло и с семьей: 23 года живут с Анной Тимофеевной душа в душу, вырастили сына, дочь.

И был бы у этого рассказа совсем счастливый финал, если бы не жгло мне память одно письмо, что показал мне Петр Григорьевич. Много их получает он — от однополчан, следопытов-школьников, военнослужащих. И от матерей. Тех, кто до сих пор не потерял надежды отыскать своих войной унесенных в безвестие сыновей. Их боль, их скорбь, их вера в этих строчках из письма однофамилицы, Александры Максимовны Антиповой со Смоленщины:

«Пропиши ты мне, дорогой Петенька, всю правду, чтобы мне и не думалось, успокой материнское сердце. А если ты мой сын, то счастливее меня не будет матери».

Сколько же горя принесла война земле русской...

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

ДИПЛОМАТИЯ ПОД АДМИРАЛЬСКИМ ОГНЕМ

Президент Никсон и его помощник по национальной безопасности вели очень простую и одновременно очень сложную игру с военной верхушкой в лице комитета начальников штабов (КНШ) и министра обороны — гражданского лица, которому по закону должен подчиняться КНШ. Не мудрствуя лукаво Белый дом позарез хотел видеть, чтобы отношения с «медными касками», как называют в Америке военных, были без сучка и задоринки. Сложные комбинации вытекали из той напряженности, которая закрадывалась в эти отношения по объективным и субъективным причинам. Холодок набегал из Вьетнама, где, к неудовольствию Пентагона, оставалось все меньше американских войск. Пентагоновских стратегов раздражали неудачи в Камбодже и Лаосе. Леденящими звуками были наполнены речи «медных касок» о военном отставании США от Советского Союза, НАТО — от организации Варшавского Договора.

«Достаточность может быть достаточна для президента Никсона, но недостаточна для ВВС»,— как всегда, с сарказмом поставил диагноз сенатор У. Фулбрайт. В глазах военной верхушки Никсон совершил непростительное «грехопадение», завязав дипломатический диалог с первой страной социализма, согласившись добиваться неслыханной цели — ограничения стратегических вооружений.

«Медные каски» повторяли в своем кругу, что на подготовку договора о частичном запрещении ядерных испытаний ушло 6 лет, а договора о нераспространении ядерного оружия — 5,5 года. Они исходили из того, что хельсинкско-венские переговоры касаются более сложных вещей и что поэтому на подготовку договоренностей уйдет более 6 лет. Иными словами, они не предвидели результатов ранее 1976 года, то есть последнего года правления Никсона, если ему, конечно, удастся добиться переизбрания в ноябре 1972 года.

Но в душе они желали и ждали дипломатических поворотов в сторону от тех позитивных итогов переговоров, которых в душе желало и ждало человечество. Они мечтали сорвать эти встречи в Вене и Хельсинки или по крайней мере затянуть их до бесконечности. Генералы и адмиралы полагали, что им удастся выбить из колеи американскую дипломатию, которой лично руководили Никсон и Киссинджер, если они приподнимут занавес секретности над позицией Вашингтона.

В июле 1971 года корреспондент «Нью-Йорк таймс» при Пентагоне Уильям Бичер раскрыл на страницах своей газеты новую, пересмотренную позицию делегации США на переговорах по ОСВ. В сообщении указывалось, что в конце концов Белый дом решил добиваться установления контроля (ограничения числа) над баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ). Руководитель американской делегации на переговорах Дж. Смит уже изложил эту позицию советской делегации. Однако публикация задела за живое Никсона и его советников. Они знали, что взбешенные сторонники неограниченного строительства подводных лодок с баллистическими ракетами немедленно начнут штурм Белого дома, чтобы он отказался от идеи введения каких-то ограничений на подводный флот с ядерным оружием на борту.

Никсон пришел в ярость, пишет С. Херш, он распорядился провести широкое расследование с использованием детекторов лжи и еще более ужесточить допуск к секретам Белого дома. Точный источник информации для статьи установить не удалось. Но, как писал Энтони Лукас в журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин», в Белом доме появление ее было расценено недвусмысленно, она предназначалась для создания трудностей правительству внутри страны. Шесть сотрудников Пентагона были смещены со своих постов из-за подозрения, что они допустили утечку информации. «Некоторые полагали,— отметил Лукас,— что статья была инспирирована официальными лицами Пентагона, которые стремились саботировать переговоры по ОСВ, так как они выступали против какой-либо разрядки в отношениях с Советским Союзом». Позднее выяснилось, что в утечке повинны адмиралы.

Руководители ВМС были недовольны тем, что президент наконец решил задуматься над последствиями бурного роста подводного ядерного флота; они рассматривали политику разрядки международной напряженности как препятствие на пути максимальной реализации своих планов «морской ядерной стратегии». В знак протеста против линии на ослабление международной напряженности в июне 1974 года ушел с поста командующего ВМС США и члена комитета начальников штабов (фактически генерального штаба) адмирал Элмо Замуолт.

«Я,— пишет он в мемуарах «На вахте»,— отказался оставаться в никсоновской администрации. Я проникся убежденностью, что некоторые аспекты национальной политики и методы ее проведения вредны для безопасности Соединенных Штатов. Я имею в виду преднамеренные, систематические и, к сожалению, чрезвычайно успешные усилия президента, Генри Киссинджера и некоторых их приближенных скрывать иногда посредством элементарного молчания, чаще же путем искусного обмана их подлинную политику в самых важных сферах национальной безопасности: переговоры по ОСВ и другие аспекты «разрядки»...

Адмирал Замуолт пускается далее в туманные рассуждения. Бывший командующий ВМС клеймит Киссинджера за то, что тот смотрит на мир и видит «динамику истории на стороне Советского Союза». Согласно Киссинджеру (каким его подает адмирал), пройдет немного времени и «СССР будет единственной сверхдержавой», а «США будут при сем присутствовать», ибо у американцев «нет ни выносливости, ни силы воли взяться за трудные дела». Отсюда Киссинджер берет на себя быстрое заключение «сделки с Советским Союзом, пока еще есть время заключать сделки».

«Презренный лжец»,— отпарировал Киссинджер.

Какой же вывод сделал из всего адмирал? Администрация Никсона презирала патриотизм и разум американского народа, топтала прерогативы конгресса, извращала процесс принятия внешнеполитических решений и т. д. Замуолт не принадлежал к числу тех, кого называют солдафонами. У него степень бакалавра технических наук, степени доктора права, доктора филологии и доктора технических наук. Одно время он был профессором военно-морских наук в Северокаролинском университете. Порвав с администрацией Никсона, он опять преподавал, создал свою собственную компанию «Адмирал Замуолт энд ассошиэйтс, инк», писал. Совместно с бывшим председателем комитета начальников штабов генералом Максуэллом Тейлором он выпустил книгу «Основная стратегия на 80-е годы», которая требует резкого увеличения расходов на военные цели, чтобы «помешать» Советскому Союзу «достичь мирового господства». Он оценивает факт того, что Договор ОСВ-2 не был ратифицирован, как «огромную победу в деле выживания Соединенных Штатов».

Вот такая фигура — военный, политик и теоретик — стояла с 1970-го по 1974 год в двух шагах от штурвала власти. В одном шаге стояла другая, не менее колоритная личность,— адмирал Томас Мурер, начальник штаба ВМС с 1967-го по 1970 год. Передав в июне 1970 года этот пост Замуолту, адмирал Мурер взошел на высшую ступеньку американской милитаристской пирамиды. Он был назначен Никсоном на пост председателя комитета начальников штабов.

Томас Мурер родился в семье зубного врача в южном штате Алабама, где царят законы «белого превосходства». Окончил военно-морскую академию в Аннаполисе также со степенью бакалавра технических наук, а затем летную школу ВМС. Три университета присвоили ему почетную степень доктора права. В 1964—1965 годах он командовал Тихоокеанским флотом США, провел против ДРВ одну из самых зловещих провокаций: в августе 1964 года два его эсминца были объявлены «жертвами» нападения северовьетнамских торпедных катеров в Тонкинском заливе, что создало предлог начать воздушную войну против ДРВ. В 1965 году Мурер осуществлял верховное руководство всеми американскими военными операциями против Доминиканской Республики. Затем ему были доверены посты верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Западной Атлантике и командующего вооруженными силами США в районе Атлантического океана.

Мурер подобно Замуолту смотрел на мир как на полигон для американского флота, а флот этот с его «морской ядерной стратегией» муреры и замуолты считали надежным средством для завоевания мирового господства.

О политическом кредо адмирала Мурера больше, чем что-либо другое, говорила его дружба с губернатором Алабамы Джорджем Уоллесом. Мурер и Уоллес были алабамцами, «настоящий» же алабамец — это расист, антикоммунист, ненавистник либералов. Мурер очень уважал генерала ВВС Кэртиса Лимея, бредившего ядерной бомбой и выводившего из себя своими «идеями» ядерных ударов президента Джона Кеннеди. В 1968 году, когда Никсон шел в Белый дом, туда же стремился и Джордж Уоллес, создавший расистскую Американскую независимую партию. В качестве кандидата в вице-президенты Уоллес выбрал генерала в отставке Кэртиса Лимея. Вместе они одержали победу в 5 штатах Юга и собрали около 10 миллионов голосов избирателей. Лимей был другом сенатора-генерала ВВС в отставке Б. Голдуотера. Поэтому политическое лицо Мурера обладало удивительным сходством с ликами Уоллеса, Лимея, Замуолта, Голдуотера и других «ястребов». Их ненависть к политике разрядки перекликалась с иррациональным недовольством большого бизнеса в 30-е годы теми реформами, которые проводил президент Франклин Рузвельт.

Доверие к адмиралу Томасу Муреру со стороны ультраправых патриотов, военной верхушки и военно-промышленного комплекса

Продолжение. Начало см. в №№ 17, 18.

толкали Белый дом на крайности, лишь бы «не обидеть» председателя КНШ.

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ «АРХИМЕД»

Никсон решил поднять вес Совета национальной безопасности, чтобы иметь возможность руководить внешней политикой из Белого дома.

Рядом с Белым домом на Пенсильвания-авеню находится здание, построенное в 70-х годах прошлого века во французском неоклассическом стиле рококо. Когда-то в нем размещались три ведомства: государственный департамент, военное министерство и военно-морское министерство. Когда военные переехали в пятиугольник Пентагона на месте «Адского дна» на берегу Потомака, а государственный департамент — в район «Туманного дна» на другом берегу, освободившееся здание заняли Совет национальной безопасности, Административно-бюджетное бюро, Секретная служба по охране президента, а также канцелярии различных президентских помощников, советников.

В этом Правительственном административном здании (таково его официальное название), был кабинет президента (помимо Овального кабинета в Белом доме), здесь работал и вице-президент. Киссинджер располагал также небольшим помещением в самом Белом доме, где в подвальном этаже находится «ситуационная комната» — «нервный центр всей нашей дипломатической и разведывательной деятельности», как писал Линдон Джонсон. Она увешана сверхсекретными картами, заставлена коммуникационной аппаратурой и различным электронным оборудованием. Киссинджеру подчинялось все хозяйство «национальной безопасности» в президентском особняке и соседнем правительственном административном здании.

Киссинджер ввел жесткие ограничения на доступ к документам, установил строжайшую секретность.

Ранее Пентагон получал всю информацию из Совета национальной безопасности (СНБ) через министра обороны и его Управление. Старожилы Вашингтона не припоминали, чтобы существовали прямые каналы общения между СНБ и КНШ. Комитет начальников штабов, согласно закону, является «непосредственным военным штабом министра обороны». Согласно разделению труда, Управление министра обороны занималось в первую очередь политическими вопросами, а комитет начальников штабов должен был переводить политическую линию на язык военного планирования. Никсон и Киссинджер подняли роль КНШ в выработке внешней политики.

Никсон и Киссинджер поддерживали тайные контакты с адмиралом Мурером и КНШ за спиной Мелвина Лэйрда. Мурер предоставил в распоряжение Киссинджера сверхсекретный канал связи «SR-1», о котором якобы не знало даже ЦРУ. В свою очередь, например, Киссинджер, отправляясь в первую сверхсекретную поездку в Китай, предупредил об этом председателя КНШ, однако не поставил в известность директора ЦРУ Р. Хелмса. Но Мурер считал, что знаки внимания и доверия к нему явно недостаточны. Он хотел знать больше того, что слышал на заседаниях Совета национальной безопасности и Вашингтонской группы специальных действий (ВГСД), созданной Никсоном для принятия решений в кризисных ситуациях, больше того, что получал из Белого дома и в официальном качестве высшего военачальника, и в неофициальном как доверенное лицо президента и его главного советника. Куда уж больше было адмиралу? И зачем?

Документация шла через военный отдел связи при СНБ. Этот небольшой, но заметный в Белом доме отдел был создан Пентагоном при президенте Л. Джонсоне. Лэйрд порывался прикрыть его, поскольку чувствовал, что с помощью этого отдела комитет начальников штабов будет действовать у него за спиной в Белом доме. Но министру обороны не удалось выполнить задуманное.

Капитан ВМС Рембрандт Робинсон, возглавлявший военный отдел связи, был в большом фаворе у Киссинджера. Он занимал кабинет 376-А в Правительственном административном здании, его привлекали к планированию политики, и по настоянию Белого дома ему было дано адмиральское звание. Робинсон был человек четко выраженных реакционных взглядов, принадлежавший к школе военной мысли адмиралов Мурера и Замуолта.

Робинсон провел полную смену аппарата военного отдела связи при СНБ. Вместо вольнонаемных к пульту встали военные из главного штаба ВМС Э. Замуолта. В канцелярию Киссинджера, в частности, вошел писарь ВМС первого класса 27-летний Чарльз Рэдфорд, великолепный стенограф и делопроизводитель. Он быстро завоевал расположение секретариата СНБ и канцелярии Киссинджера, особенно пришелся он по душе секретаршам помощника президента по национальной безопасности. Чарльз их часто освобождал от нудной работы на копировальной машине «ксерокс». Правда, они давали ему сверхсекретные документы для снятия копий, но ведь на то он и военный, чтобы ему доверять.

Секретаршам доставляло удовольствие отлучаться подольше на ленч или поболтать с приятельницами в кафетерии Белого дома. Женщины знали, что их подстраховывает Чарльз, который всегда отпускал их ровно на столько, на сколько им хотелось. Как ни в чем не бывало, главная секретарша Киссинджера старалась, уходя на кофе, сбагрить Чарльзу на «ксерокс» всю документацию дня, притом самую сверхсекретную, ибо пустяками в той канцелярии не занимались.

Рэдфорд действовал в роли «благодетеля» по заданию Робинсона. Он переснимал все и отвозил или отсылал в Управление адмирала Т. Мурера. Его хвалил за «хорошую работу» адъютант председателя КНШ капитан Г. Трейн.

По самым скромным подсчетам, Рэдфорд переправил в сейфы Мурера около 5 тысяч (!) особо конфиденциальных документов президента США и его помощника по национальной безопасности.

После отъезда Робинсона в действующий флот в район Вьетнама на его место пришел лично выбранный Мурером адмирал Роберт Уэландер. Он приказал писарю усилить шпионаж в Белом доме, и тогда Рэдфорд завербовал в свою сеть некоего сотрудника из ближайшего окружения президента Никсона. Личность этого ценнейшего для военных шпиона до сих пор не выяснена.

«Военная шпионская клика» — так позднее американская пресса окрестит группу Мурера — Робинсона — Уэландера — Рэдфорда, которая орудовала под носом ничего не подозревавшего Киссинджера, не говоря уже о президенте. Группу интересовали документы с грифом «только для глаз президента», «только для глаз Никсона и Киссинджера». Такие депеши слал, в частности, заместитель помощника президента по национальной безопасности генерал А. Хейг из Южного Вьетнама. Он брал с собой в поездку в качестве помощника Чарльза Рэдфорда. Копии телеграмм Хейга поступали к Муреру раньше, чем их получали президент и его помощник. И еще раз Хейг брал с собой в Южный Вьетнам писаря ВМС из военного отдела связи, что наведет некоторых исследователей на подозрение: не был ли замешан армейский генерал Хейг в шпионских аферах военных моряков?

Именно Хейг рекомендовал Киссинджеру взять с собой Рэдфорда в Пакистан, куда помощник президента отправился в июле 1971 года для отвода глаз, чтобы оттуда в полной тайне совершить свой первый вояж в Китай, перепугавший поначалу «медные каски». Уже по прибытии в Дели чемодан и сумки писаря были битком набиты «контрабандной переправкой», то есть копиями секретных документов Киссинджера, содержавших планы его действий «на все случаи жизни» в Китае. Рэдфорд когда-то служил в посольстве США в Индии, и он без труда отправил документы с дипломатической почтой в Вашингтон.

Во время остановки в Пакистане Рэдфорд обыскал комнату Киссинджера, перерыл его чемоданы и портфели и узнал для себя новость, что тот вот-вот улетит в Пекин. Он заполучил все инструкции президента относительно бесед его помощника с китайским премьером. Когда Киссинджер возвращался из Пекина, то по пути в США через Париж Рэдфорд вновь перетряс его вещи. Он скопировал отчеты о его переговорах с Чжоу Эньлаем, и военные имели их прежде, чем они дошли до Никсона.

Киссинджер делал доклад президенту и СНБ в Калифорнии, где отдыхал Никсон. Рэдфорду устроили срочный вылет туда же. Его доставили на авиационную базу ВМС в Эль-Морро. Там в гостинице для командования его ждал Уэландер. Рэдфорд разложил свое «хозяйство» на кровати адмирала, объяснил ему, где и как удалось прихватить тот или иной документ. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, там собственной персоной находился председатель комитета начальников штабов адмирал Томас Мурер. Собрав бумаги в охапку, Уэландер прошел к Муреру и вручил ему уворованное. Адмирал проверил на заседании СНБ, насколько разнится то, что говорилось вслух, от того, что значилось в конфиденциальных записях.

У «военной шпионской клики», орудовавшей в Белом доме, были свои приоритеты. Прежде всего ее интересовали советско-американские переговоры по ограничению стратегических вооружений. Затем планы по Вьетнаму, Камбодже, Лаосу.

И по этим, и по другим вопросам подход военных был пронизан подозрительностью и недовольством. Яркими мазками нарисовал картину падения популярности президента среди «медных касок» итальянский журнал «Эуропео» (август 1970 г.). Статья была подписана псевдонимом «Архимед»; сотрудники Пентагона были представлены под вымышленными именами — Уильяма Джека и Джорджа Хансена. Вот отрывки из этой статьи, озаглавленной «Пентагон против Никсона»:

Пентагон считает, что президент Никсон совершенно не представляет себе в точности мрачное будущее, уготованное человечеству серьезными проблемами, которые будоражат столько стратегически важных районов мира. Поэтому Пентагон решил совершенно независимо от исполнительной, а также и от законодательной власти заниматься непрерывным и углубленным изучением всех событий, какие только можно предвидеть, чтобы обеспечить защиту независимости Соединенных Штатов и их союзников.

«Архимед»: Много говорят в эти дни о серьезных разногласиях и почти о разрыве между Пентагоном и Белым домом. Есть ли какие-то основания для всей этой болтовни?

Уильям Джек: Для этого действительно есть много оснований, но нельзя сказать, что это новость. С нынешним президентом нет никакой возможности ни добиться одобрения своей точки зрения, ни заключить полюбовное соглашение: этот человек упрям, и поэтому он не желает уступить ни одной из прерогатив, предоставленных ему конституцией, а в данном случае прерогатив главнокомандующего вооруженными силами.

Джордж Хансен: В Пентагоне избрание Никсона президентом Соединенных Штатов было воспринято с унынием. Здесь предвидели трудное и тревожное будущее как для Соединенных Штатов, так и для всего мира. По мнению Пентагона, Никсон, выросший и воспитанный в школе Дуайта Эйзенхауэра и воспринявший от него принципы абсолютного пацифизма, представляется символом отказа и пораженчества. Если Эйзенхауэр, весьма заурядный президент, но храбрый солдат и выдающийся военный специалист, имел все качества для выполнения обязанностей главнокомандующего Соединенными Штатами, то Никсон не обладает ни одним из таких качеств, и Пентагон, прекрасно понимая его полную неспособность на этом поприще, сразу же предвидел, сколько серьезных трудностей будет мешать его деятельности, а также деятельности всех штабов трех видов вооруженных сил.

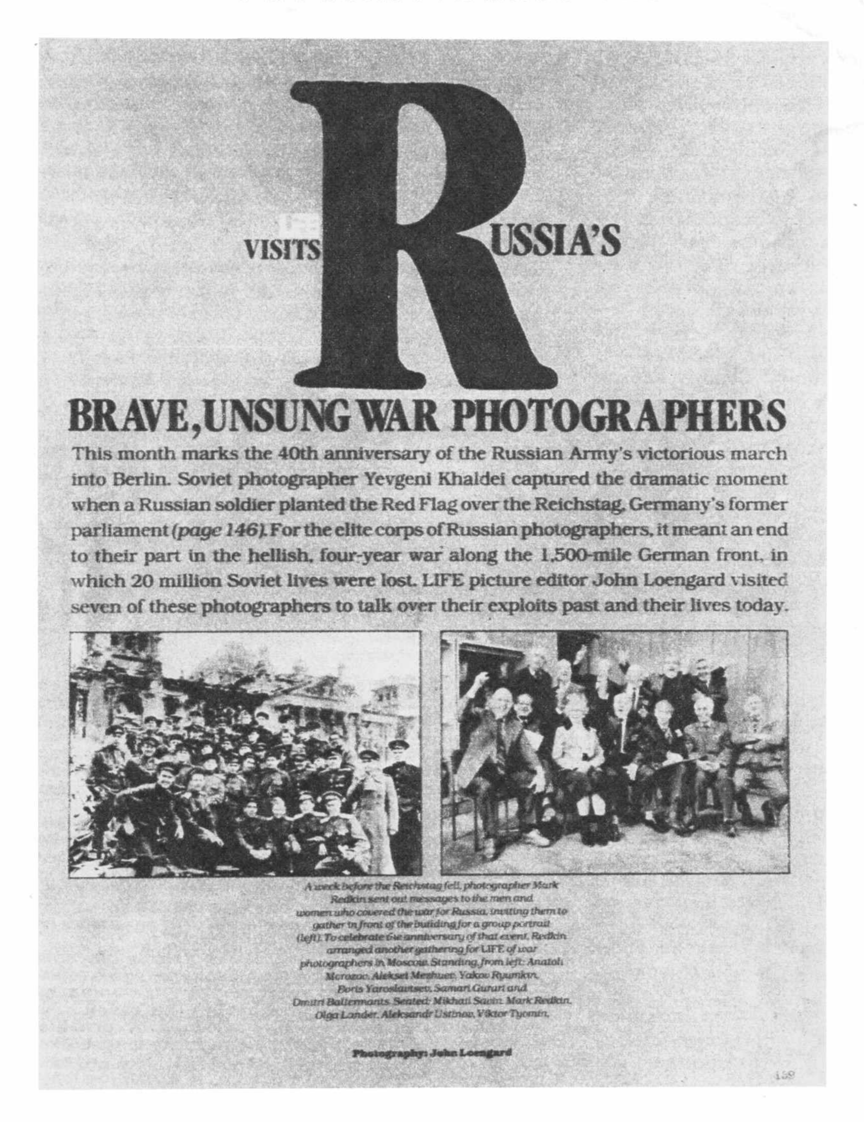
Уильям Джек: Когда Никсон, после того как он занял пост президента, собирался выехать в Европу, Пентагон настаивал на том, чтобы во время бесед, которые состоятся в Париже, Никсон предложил французскому президенту прекратить все проявления солидарности с Советским Союзом, которые в конечном счете выливались лишь в акции, враждебные Соединенным Штатам и НАТО. Но Никсон не обратил большого внимания на советы Пентагона. Это было серьезным предостережением Пентагону и началом его разногласий с Белым домом.

Джордж Хансен: Пентагон настаивал также на том, чтобы Никсон решительно выяснил подлинные намерения де Голля по отношению к Израилю. Но и по этому вопросу, несмотря на резкие выражения, употребленные генералом по адресу Израиля, а также по адресу Соединенных Штатов из-за поддержки, оказанной ими еврейскому государству, Никсон не только не сумел узнать, как далеко может зайти враждебное отношение де Голля, но и не реагировал на это с такой смелостью, какой можно было ожидать от главы крупнейшей нации мира.

Как только Никсон вступил в Белый дом, он скомандовал Пентагону «стоп» (во Вьетнаме.— Прим. авт.), несмотря на то, что тот еще мог, претворив в жизнь смелые и радикальные планы, которые он представил на рассмотрение президента, добиться окончательного военного решения.

Окончание следует.

«ЛАЙФ» О СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ФОТОЖУРНАЛИСТАХ

LIFE VISITS RUSSIA'S

BRAVE, UNSUNG WAR PHOTOGRAPHERS

This month marks the 40th anniversary of the Russian Army's victorious march into Berlin. Soviet photographer Yevgeni Khaldei captured the dramatic moment when a Russian soldier planted the Red Flag over the Reichstag, Germany's former parliament *(page 146)*. For the elite corps of Russian photographers, it meant an end to their part in the hellish, four-year war along the 1,500-mile German front, in which 20 million Soviet lives were lost. LIFE picture editor John Loengard visited seven of these photographers to talk over their exploits past and their lives today.

A week before the Reichstag fell, photographer Mark Redkin sent out messages to the men and women who covered the war for Russia, inviting them to gather in front of the building for a group portrait (left). To celebrate the anniversary of that event, Redkin arranged another gathering for LIFE of war photographers in Moscow. Standing, from left: Anatoli Morozov, Aleksei Meshuev, Yakov Ryumkin, Boris Yaroslavtsev, Samari Gurari and Dmitri Baltermants. Seated: Mikhail Savin, Mark Redkin, Olga Lander, Aleksandr Ustinov, Viktor Tyomin.

Photography: John Loengard

159

В годы войны редакции центральных газет и журналов, фронтовых газет направляли в действующую армию своих фотокорреспондентов. Они фиксировали все события тех грозных лет. Многие из них не вернулись в редакции. Погибли на войне Павел Трошкин, Борис Иваницкий, Владимир Иванов, Михаил Калашников, Сергей Струнников, Николай Ксенофонтов, Михаил Бернштейн, Аркадий Агич и многие, многие другие.

Снимки военных фотокорреспондентов волновали и волнуют сердца людей правдой, драматизмом, радостью Победы. Они известны и в зарубежных странах, пользовались успехом у посетителей всемирных фотовыставок «Уорлд Пресс-фото», фотовыставок ТАСС, АПН и ССОД за рубежом.

Задумав выпустить специальный номер журнала, посвященный второй мировой войне, редакция журнала «Лайф» в конце прошлого года направила в Советский Союз для фотосъемок по местам былых сражений и подбора материалов в наших архивах своего фоторедактора, известного журналиста Джона Лоенгарда.

После встречи в Москве с бывшими фронтовыми фотокорреспондентами у Джона Лоенгарда возникла идея сделать о них отдельный репортаж, который и был опубликован в апрельском номере «Лайфа».

В редакционном предисловии к репортажу говорится:

«В этом месяце исполняется 40-я годовщина победоносного наступления Красной Армии на Берлин. Советский фотограф Евгений Халдей запечатлел драматический момент, когда русский солдат водрузил красный флаг над рейхстагом, бывшим парламентом Германии».

На первой полосе репортажа два снимка — фотография мая 1945 года: большая группа советских военных корреспондентов у стен рейхстага; и снимок, сделанный в Москве в январе 1985 года,— ныне здравствующие бывшие военные фотожурналисты.

Каждый очерк о военном фотокорреспонденте, будь то Е. Халдей или Дм. Бальтерманц, О. Ландер или Б. Ярославцев, А. Гаранин или М. Редкин, журнал сопровождает краткой биографией, а также современным снимком, сделанным Джоном Лоенгардом.

Из жизни, к сожалению, уже ушли такие корифеи советской фронтовой фотожурналистики, как Макс Альперт, фотография которого «Комбат» стала символом мужества советских воинов; Георгий Зельма, автор драматических снимков боев в Сталинграде; Галина Санько с ее разоблачением ужасов фашизма; Георгий Петрусов, которому принадлежит знаменитая серия фотографий «Радость Победы», и многие другие. Надо надеяться, что с их лучшими работами зарубежный читатель встретится в майском номере «Лайфа».

Председатель фотосекции Московской организации Союза журналистов СССР
А. ПОРОЖНЯКОВ

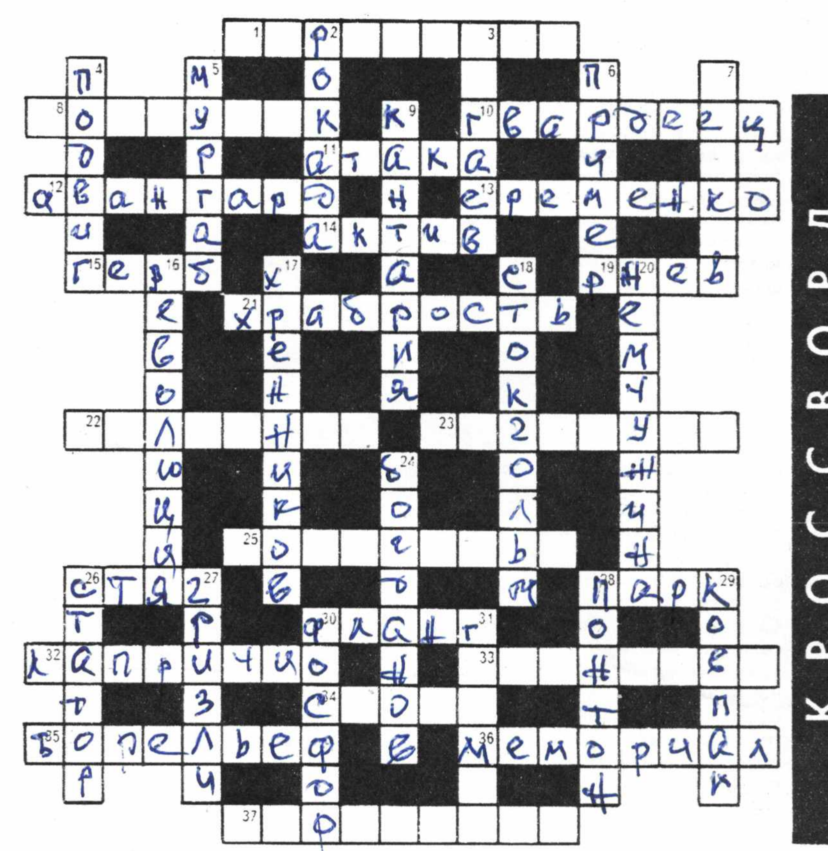
НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Берлин. Рейхстаг. Салют 2 мая 1945 года. Фото Я. РЮМКИНА.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весть о капитуляции гитлеровцев пришла в войска 2-го Белорусского фронта. Май 1945 года. Фото А. ШАЙХЕТА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Стремление к исключению вражды и войн. 8. Река на Северном Кавказе. 10. Военнослужащий отборных войск. 11. Решительный момент наступательных действий. 12. Подразделение, следующее на марше впереди главных сил. 13. Маршал Советского Союза. 14. Наиболее передовая часть коллектива. 15. Эмблема государства. 19. Город в Калининской области, награжденный орденом Отечественной войны. 21. Мужество, бесстрашие. 22. Героиня советской пьесы «Чрезвычайный посол». 23. Вспомогательные сплавы в металлургии. 25. Автор строки «Никто не забыт, и ничто не забыто». 26. Знамя. 28. Роща с аллеями, цветниками для отдыха, прогулок, игр. 30. Оконечность расположения войск. 32. Виртуозная инструментальная пьеса. 33. Общность, сплоченность, взаимная связь. 34. Определение степени строевой выучки военнослужащих. 35. Скульптурное выпуклое изображение на плоскости. 36. Архитектурно-художественный комплекс в честь павших героев. 37. Крупнейший из Новосибирских островов.

По вертикали: 2. Дорога в прифронтовой полосе. 3. Главный маршал авиации. 4. Героический, самоотверженный поступок. 5. Река в Афганистане и Туркменской ССР. 6. Действие, служащее образцом для подражания. 7. Советский спортсмен-пловец, рекордсмен Европы и мира. 9. Младший сержант, Герой Советского Союза, участник водружения Знамени Победы над рейхстагом. 16. Поэтохроника В. В. Маяковского. 17. Композитор, лауреат Ленинской премии, автор оратории «На страже мира». 18. Столица европейского государства. 20. Зерно драгоценного перламутра. 24. Маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. 26. Неподвижная часть электрической машины. 27. Разновидность бурого медведя. 28. Плоскодонное судно, опора наплавных мостов, паромов. 29. Командир партизанского соединения, дважды Герой Советского Союза. 30. Сырье для удобрений. 31. Автор романа «Дорогой мой человек».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 4. Фестиваль. 7. «Интернационал». 10. «Неман». 11. Тиссэ. 13. «Капитал». 16. Пантелеев. 18. Коваленок. 19. Каравелла. 21. Санаторий. 24. Габрово. 27. Жирши. 28. «Школа». 29. Интерпретатор. 30. Авансцена.

По вертикали: 1. Острава. 2. Династия. 3. Маримба. 5. Анданте. 6. Радикал. 8. Демонстрация. 9. Искандеркуль. 12. Топорков. 13. Квершлаг. 14. Левченко. 15. Коктейль. 17. «Вега». 18. Кекс. 20. Вершина. 22. Трактор. 23. «Прогресс». 25. Амирхан. 26. «Выстрел».

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.04.85. Подписано к печати 02.05.85. А 00351. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 1309. Заказ № 550.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Москва. В День Победы 9 мая 1945 года.

Фото А. Устинова

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

